

18+

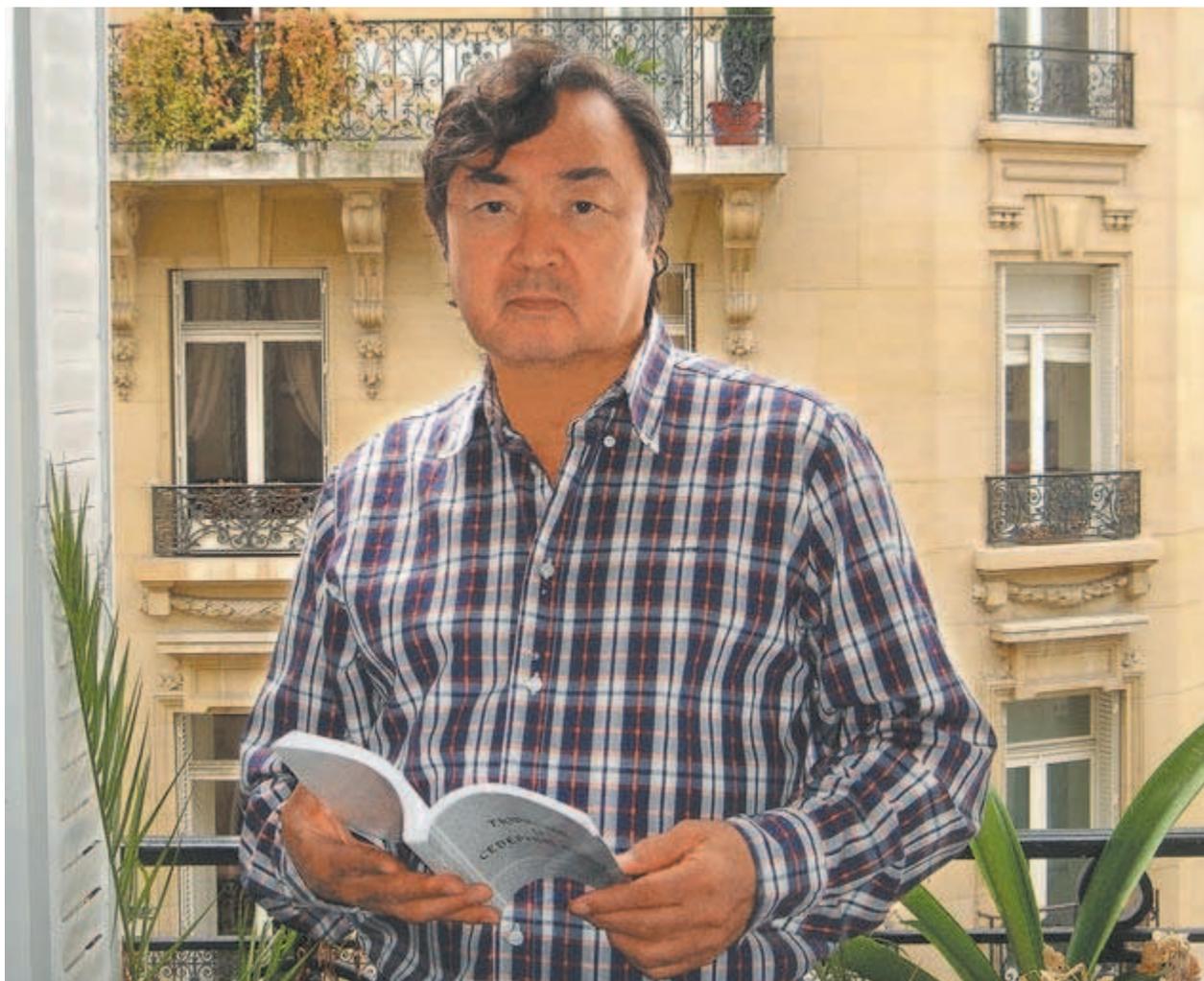
Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №14 ГАЗЕТА

Олжас Сулейменов / Снова об «Аз и Я»

Олжас Омарович Сулейменов

Родился 18 мая 1936 года в Алма-Ате.

Учился: в КазГУ (Казахском Государственном университете), инженер-геолог, разведка нефтяных и газовых месторождений; в Литературном институте им. М. Горького (Москва).

Трудовая деятельность:

Союз писателей Казахстана — сотрудник, секретарь правления, Первый секретарь.

Союз писателей СССР — секретарь правления.

Союз кинематографистов Казахстана — Первый секретарь правления.

Союз кинематографистов СССР — член правления.

Государственный Комитет КазССР по кинематографии — Председатель.

Советский Комитет солидарности стран Азии и Африки (Москва) — заместитель Председателя.

Член Верховного Совета СССР двух созывов.

Член Верховного Совета КазССР и Республики Казахстан.

Чрезвычайный и Полномочный Посол в Италии, Греции, на Мальте — 1995–2001 гг.

Посол, Постоянный представитель Казахстана при ЮНЕСКО (Париж) — 2001–2013 гг.

Лауреат национальных и международных литературных премий.

Награжден орденами СССР, Казахстана, зарубежных стран.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:

Дмитрий Белюкин
Юрий Бондарев
Семен Борзунов
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Юрий Коннов
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор
Елена Русакова

В оформлении
обложки
использована картина
Зорикто Доржиева
«Кочевник»

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2018
Все права защищены

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
www.gazety.ru

**Подписные
индексы издания:**
в каталоге агентства
«Роспечать»
70782 на полугодие,
71752 на год;
в объединенном
каталоге
«Пресса России»
38915 на полугодие;
в электронном каталоге
«Почта России»
П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2018 №14 /1811/ Основана в 1927 г.

Олжас Сулейменов

Снова об «Аз и Я»

Меня попросили написать вступление к книге «Аз и Я», выходящей спустя десятилетия после первой публикации. Сочинять предисловие к не первому изданию некогда шумной книги — занятие непростое. Пришлось вспоминать и порой лестные для автора моменты ее биографии.

Бестселлер по-советски

Можно впасть в нескромность, но это факты: книгу перепечатавали на машинке, переписывали от руки, давали читать на одну ночь за определенную плату; на черных книжных рынках в разных регионах СССР цены прыгали от ста номиналов до полутора тысяч, а в одной республике отчаянный читатель отдал за книгу своего «жигуля». Нельзя сказать, что тираж был мизерный (двумя заводами выходила, я видел в выходных данных и 50 тысяч экземпляров, и 100 тысяч), но не хватало. В условиях рынка столь повышенный спрос вызвал бы многократные издания бестселлера. У нас такой популярности были не рады ни издатель, ни автор.

Теперь, итога пережитое, можно уверенно сказать, что ни одна книга, изданная в советском издательстве в 1970–1980-е годы, не была так активно востребована. Ее прочли и элитный читатель, и массовый, и диссидентствующий, и власти — от местных до членов Политбюро во главе с Генеральным секретарем.

Сотни писем. Первые два я особо запомнил. Через несколько дней после выхода книги, в конце лета 1975 года, пришло письмо от Константина Симонова. Отпечатанное на машинке (поэтому в прошлом году в архиве, сохраненном сыном писателя, удалось найти копию). Симонов предсказал книге трудную судьбу, но обещал быть рядом. Более эмоционально отписал литовский поэт Эдуардас Межелайтис: «Не знаю, как там с наукой, но книга — гениальная». Такие гиперболы надолго запоминаются автором. Об «Аз и Я» начали писать московские, азербайджанские, эстонские, грузинские, украинские, венгерские газеты; круг расширялся, пока главный идеолог Михаил Суслов не хлопнул с размаха книгой по столу. После его выступления на идеологическом совещании в конце 1975 года в московских журна-

лах пошли совсем темные публикации. Черного колера в них становилось все больше. Книгу изымали из библиотек, из продажи. Но не до всех сельмагов указание члена Политбюро дошло. Московские артисты напрашивались на гастроль в казахстанские области, катались там по селам и возвращались с чемоданами «запретного плода» (рассказал Игорь Кваша). «Аз и Я» задела какие-то ранее не тронутые участки общественного сознания. И эти прикосновения вызвали неожиданную реакцию во всем общественном организме. Прежде всего, в интеллектуальной среде — писательской, артистической, научной.

Современному молодому поколению, привыкшему к вольному слову в СМИ, Интернете, не понять масштабов и температуры реагирования населения советской державы середины 70-х на любое проявление писательского слова, выразившего не антисоветизм, нет, а просто свободу мысли.

В начале 1986 года журнал «Проблемы коммунизма», выходящий в США, писал: «Горбачевская перестройка стала результатом перестройки сознания советского общества, которую подготавливали такие книги, как “Аз и Я”».

...В середине января 1976 года в ЦК Компартии Казахстана из аппарата Суслова поступила бумага под грифом «срочно», где сообщалось, что такого-то числа этого месяца в ЦК КПСС состоится совещание трех отделов — науки, пропаганды, культуры, где будет обсуждена книга «Аз и Я», выпущенная издательством «Жазушы» в Алма-Ате. Следует командировать на данное совещание автора книги и ведущих тремя соответствующими отделами ЦК республики. Меня срочно пригласил для разговора В. Месяц — второй секретарь нашего ЦК. «Ехать пока не надо. Мы пошлем заключение врачей — воспаление легких. Посмотри на окно, какие морозы стоят, а ты бегаешь по утрам. Не жалеешь себя. Попиши в санатории. Но не продолжение «Азии». Стихи попиши. К середине февраля будешь абсолютно здоров, тогда и поедешь, куда пригласят. Или куда пошлют».

Через десяток лет я узнал от Димаша Ахмедовича Кунаева, к тому времени ушедшего на пенсию, некоторые подробности тех обстоятельств.

Роль Брежнева

Совещание трех отделов должно было завершиться постановлением ЦК КПСС о книге «Аз и Я» как произведении идеологически незрелом, содержащем настроения националистического, пантюркистского характера. В проекте этого документа (второго после постановления ЦК КПСС от 1948 года, где речь шла о книгах Зощенко и Ахматовой) го-

ворилось и о том, что выход такой книги свидетельствует о крайней запущенности идейно-воспитательной работы в республике. Такое постановление, принятое как раз накануне очередного съезда Компартии Казахстана (он открывался 4 февраля), сильно ударило бы по республике, которую в СССР называли «лабораторией дружбы народов».

Понимая это, Кунаев и Месяц, экстренно обсудив ситуацию, выработали план спасения. С первым пунктом его и познакомил меня Валентин Карпович. Не объяснив, правда, почему я должен болеть до середины февраля.

Кунаев, готовя съезд, не раз в январе бывал в Москве. В один из первых приездов встретился с Брежневым. Рассказал о готовящемся обсуждении и о том, какие могут быть последствия для республики, которую Генсек в нескольких докладах любовно назвал «мой Казахстан». Передал злополучную книгу.

— А сам-то читал? — спросил Леонид Ильич. Он уже начинал говорить с паузой между словами.

— Два раза, дорогой Леонид Ильич. С карандашом. Ничего не понял!

Брежнев довольно хохотнул и придвинул томик поближе:

— Не понял, говоришь. Интересно.

— Но никакого национализма, дорогой Леонид Ильич, или какого-то пантюркизма там нет! Это я вам, дорогой Леонид Ильич, как коммунист говорю! Заинтригованный Брежнев полистал книгу. И, прощаясь, пообещал:

— Прочту.

В самом начале февраля, когда уже все руководство республики трясла предсъездовская лихорадка, Кунаев позвонил Брежневу, доложил о текущих делах и в конце разговора решил спросить: нашлось ли время прочесть? «Никогда так не волновался», — признался мне Димаш Ахмедович. Понять его состояние можно. Если Генсеку увиделись бы в книге те «хвосты» (измы), Суслов успел бы организовать несколько нужных выступлений на съезде, что сказало бы на результатах выборов руководства.

— Прочел, — наконец ответил Брежнев.

Еще одна тягостная пауза.

— Никакого там национализма нет, — медленно, с расстановкой произнес Леонид Ильич. — И антисоветчины нет. (По словам Кунаева, ответ маршала был по-солдатски более выразительным: «Ни хрена нет». Но в мемуарах члену Политбюро пришлось откорректировать.)

Окрыленный Кунаев решил тут же еще более укрепить позиции:

— Дорогой Леонид Ильич, а можно на съезде мы изберем этого буютера в состав ЦК? Дисциплинированной станет.

— Если достоин, избирай.

— Но Суслов будет против.

— А при чем тут Суслов? В республике ты хозяин.

Долгие дружеские отношения этих двух людей, я считаю, благотворно сказались на развитии Казахстана. Генсека, осмеянного сатириками за взаимную любовь к геройским звездам и смачным поцелуям взасос, советский народ запомнил как анекдотического героя с нарушенным речевым аппаратом, с замедленной реакцией — эдаким «тормозом», каким он действительно становился в последние годы политической власти. Но историкам стоило бы повнимательней присмотреться к этой фигуре. Особенно к результатам деятельности Брежнева в первое десятилетие его мандата — с 1964 года до середины 1970-х. Не только цифры, но и книги, и фильмы, и научные успехи скажут, что это были годы наивысшего экономического и культурного подъема СССР. Никогда прежде темпы экономического развития не поднимались до 9% в год. Такого показателя, понятно, не будет при следующих руководителях — Андропове, Черненко, Горбачеве. В те годы можно было почувствовать, насколько взаимосвязаны хозяйство и культура. Великая наука, великое кино, музыка, поэзия «шестидесятников» — все это в эпоху раннего Брежнева.

На моих оценках может сказаться чувство благодарности за то, что Брежнев помешал осуществлению репрессивного суловского плана. Но даже без этого частного эпизода я как писатель знаю, что термин «страна великого читателя» возник и наполнился реальным содержанием в период первого брежневского десятилетия. Книги стихов выходили тиражами в десятки тысяч экземпляров. (В мире такого никогда не было и не будет, наверное.) Романы — сотнями тысяч, а то и миллионами («Роман-газета»). И не только в столице — по всей стране. Толстый литературный журнал «Жулдыз» печатался на казахском ежемесячным тиражом в 240 тысяч экземпляров. Тогда мы еще не агитировали с трибун за государственный язык, а массово публиковали интересную литературу на родном языке, и она доходила до каждой семьи. Почему бы сегодня не оглянуться на этот опыт и понять, что без литературы языку трудно? Я работал и председателем Госкино республики. Знаю количество кинотеатров в городах. В каждом крупном селе — клуб с киноустановкой. Годовой план по посещаемости в Казахстане — 250 миллионов зрителей. При 17 миллионах жителей. И план этот перевыполнялся. Так было в каждой республике. Страна великого читателя и великого зрителя! Научный факт. Была ли в этом заслуга Брежнева? Конечно. Во всем, что происходило в СССР в XX веке, во всем — и плохом, и хорошем — реально сказывалась ведущая роль партийного лидера.

В хорошем — сильного лидера, в плохом — слабого или катастрофически слабеющего, каким и предстает перед близорукими историками Леонид Ильич Брежнев.

Ученый «совет»

...4 февраля 1976 года в Алма-Ате прошел съезд Компартии Казахстана, где меня неожиданно избрали кандидатом в члены ЦК. Сразу в члены поостереглись, но и в этом статусе я включался в партийную элиту. Теперь применять ко мне репрессивные меры ЦК КПСС не мог. Иначе нарушение партийной этики: «только что оказали высокое доверие и тут же высекли». В достижении этой планки и заключался план Кунаева — Месяца.

Суслов вынужден был перевести обсуждение на другой уровень, уже не опасный для республики, — в Академию Наук СССР. Оно состоялось 13 февраля 1976 года, в здании отделения общественных наук Академии на Волхонке. Пропускали по списку. 47 академиков, членкоров, докторов. Меня сопровождали уже не три заведующих отделами, а лишь один — Санжар Жандосов, завотделом науки ЦК. А третьим был Геннадий Толмачев, зам. главного редактора издательства, выпустившего книгу. Все мы — давние друзья. Обсуждение началось ровно в 9 часов. Открыл его академик Борис Рыбаков вступительным словом. Оно было кратким и сильным:

— Товарищи, в Алма-Ате вышла яростно антирусская книга под названием «Аз и Я». Вы все ее прочли. Приступим к обсуждению.

Рыбаков за пару лет до этого опубликовал большую, красиво оформленную книгу, посвященную «Слову о полку Игореве», Академия выдвинула ее на соискание Ленинской премии. Все шло хорошо, и Рыбаков должен был ее получить уже в апреле ко дню рождения Ленина. Но тут совсем неожиданно «в какой-то Тмутаракани» возникает «Аз и Я», где в числе других работ критически рассматривается и труд Рыбакова. Так как вал популярности злойредной книги, набирая силу, катил в сторону апреля, уважаемый академик, естественно, увидел прямую диверсию, направленную против его будущей премии. И со всей страстью включился в кампанию по сокрушению этого явно антирыбаковского, а значит, яростно антирусского литературного набега. В результате такой активности он пробился в первые ряды суловской команды, что и помогло ему получить вожделенную премию.

(В 1985 году журнал «Коммунист» решил отметить 800-летие «Слова». Юрий Афанасьев, работавший в журнале, пригласил меня выступить со статьей в юбилейном номере. Статья Рыбакова уже была

набрана. Свою я принес позже. Академик, узнав, что и я печатаюсь, позвонил Афанасьеву с требованием не допускать Сулейменова в юбилейный номер: «Иначе я заберу свою статью».

— Забирайте, — ответил Юрий Николаевич. — Статья Сулейменова уже обсуждена, понравилась редакции, идет в набор.

— Он, наверное, опять меня критикует!

— О вас даже слова нет. Он пишет о поэзии памятника. А вы в поэтике не разбираетесь, поэтому и критиковать вас не за что.

— Тогда ладно! Оставлю свою статью.

Так мы однажды напечатались рядом.)

Обсуждение длилось до 18 часов, без перерыва на обед. В конце дали слово мне. Я тоже сказал кратко. «С некоторыми замечаниями уважаемых оппонентов я согласен. Но не со всеми. Категорически не приемлю оценку, данную академиком Рыбаковым. Я продолжаю считать, что вся моя книга — это признание в любви к «Слову», к русской культуре, к которой сам принадлежу большей частью своего воспитания и образования. Сожалею, что вы этого не увидели в книге, уважаемый Борис Александрович. Я знаю, некоторые люди привыкли, что в любви к великой культуре надо признаваться, стоя на коленях. Иная форма признания показалась непонятной и оскорбительной».

Протокол обсуждения был вскоре опубликован в академических журналах «Вопросы истории» и «Вопросы языкознания». Но — без моего выступления.

Все началось с курсовой...

...Многолетняя читательская увлеченность «Словом» для меня не превратилась в профессию, в способ зарабатывания степеней, званий и гонораров. Меня кормили стихи, пока за них государство платило, и я мог себе позволить «бескорыстно» наслаждаться своими увлечениями: сначала «Словом», потом открытой мною тюркославистикой, универсальной этимологией, происхождением письменностей и богов. После развала СССР Республика Казахстан поддержала меня посольской зарплатой. И сутки разделились на две смены, как писал в одном письме: «Пока светло, работаю на государство, а ночью — на человечество!»

...Во время встреч с читателями меня часто спрашивали: «Как долго писалась книга?» Увлечение «Словом о полку Игореве» началось вполне случайно. Осенью 1958-го на первом курсе Литературного института им. Горького профессор Сидельников, преподававший древнерусскую литературу, распределил темы первых курсовых. Мне он поручил написать о восточных элементах в тексте «Слова».

Как опытному студенту (все-таки второй вуз!) мне надо было бы списать нужные сведения из учебника, сдать курсовую и получить зачет. Подвела Ленинская библиотека, куда я заглядывал почти каждый день: готовил дипломную работу «Механика образования соляных куполов Эмбинской нефтеносной структуры». Летом будущего года предстояла защита. (Закончив четвертый курс геофака в Казахском университете, я уехал в Москву, поступил в Литинститут. Мне разрешили написать диплом заочно.)

В «Ленинке» вспомнил о курсовой, заглянул в каталог, чтобы найти что-нибудь посерьезней учебника, и увидел сотни названий трудов, посвященных «Слову о полку Игореве». Заинтересовался, искал среди них «о восточных элементах». Наткнулся на диспут членов Императорской Академии Корша и Мелиоранского, посвященный выяснению происхождения термина **кощей**, встречающегося, оказывается, не только в сказках и былинах, но и в «Слове о полку Игореве». Спор академиков, напечатанный в нескольких номерах журнала (не помню какого), в итоге свелся к общему выводу: **кощей**, скорее всего, произошел от слова **кошчи** — «слуга», «раб», принесенного в Древнюю Русь каким-то тюркским наречием.

И тут я вспомнил, что похожее слово часто слышал прошлым летом на преддипломной практике в Северо-Восточном Прикаспии.

Пять месяцев наш маленький студенческий отряд мотался на грузовике «Газ-51» по пустыне, собирая пробы воды из старых скважин и колодцев, чтобы потом сдать на анализ для выяснения, есть ли в какой-нибудь из проб следы нефти. Студенческая геология. С нами ездил местный старик — и объекты показывал (все колодцы в родной пустыне знал), и кашеварил. К неснимаемому халату намертво привинчен «Знак Почета» образца 30-х годов.

Мы пытались узнать о его заслуженном прошлом. Кем работал? На нефтепромыслах? Он уходил от прямого ответа: «Я кошщи, сынки. Любил ходить по земле туда-сюда. Всегда был кошщи, и сейчас с вами, выходит, кошщи». Мы переспрашивали: «Койши?» («пастух»). Он брезгливо отмахивался и терпеливо объяснял: «Я — кошщи. Это который кочует. Сейчас так уже не говорят. Настоящих кошщи не осталось. Не кочует казах, за дом держится: дома мешок картошки есть».

Спор с дореволюционными академиками

Я выписал в читальный зал все журналы с Коршем—Мелиоранским и тогда же впервые внимательно прочитал «Слово о полку Игореве» (школьная хрестоматия знакомила только с пересказом).

Предложенное членами Императорской Академии кошчи фонетически можно было сблизить с похожими словами, встречающимися в «Слове». Князь Игорь напал на кочевья Кончака на реке Каялы и, потерпев поражение, пересел в седло кощиево. По версии академиков — в седло слуги или раба. Кончак, если верить опере, своего высокого пленника, к тому же свата, не низвел до положения слуги-раба. Обращался как с равным. В другом месте поэмы меня поразил призыв автора: «Стреляй, господине, Кончака — поганого Кошея». (Через годы я понял, что это прозвучал голос не автора, а монаха-переписчика XVI века. Литература светского содержания смывалась с пергамента, он освобождался для священных книг. Некоторые произведения перед этим переносились на бумагу — более дешевый материал.)

Переписчик свободно обращался с текстами не церковного содержания — редактировал, переводил на современный язык устаревшие речения. Дописывал, если нужно. Где мог, добавил «Слову» христианских выражений, явно не свойственных оригиналу, в котором ни разу не упоминается Иисус Христос, но часто языческие боги Велес, Стрибог, Дажьбог, Хорс... Определение **поганый** — «языческий», пришедшее из греческого церковного, противоречило характеру авторской речи.)

Содержание и этого места мешало согласиться с академиками. Едва ли половецкого хана-победителя при всей ненависти к нему даже в запальчивости можно было наречь слугой или рабом!

Мне показалось, что **кошци** — «кочевник» из лексикона орденосца — более вписывалось в текст «Слова». И фонетически ближе, и по смыслу.

Игорь после поражения пересел из седла злата в седло **кощиево** (кочевника): в плену он, наверное, кочевал вместе с половцами. Христианин мог в ярости назвать Кончака **поганым кощеем** — «некрещеным кочевником». (Здесь даже лексические отличия **кошций** и **кошей** свидетельствовали о том, что писаны были эти слова в разное время, разными людьми. Поэтически совершенное — из седла злата в седло кощиево — принадлежало автору; первохристиански заостренное на язычников Дикого Поля — перу монаха-переписчика XVI века. Этого стилистического разнобоя могли не заметить Корш и Мелиоранский: список «Слова» открыт недавно, изучение его только начиналось. У советской Академии времени разобраться было достаточно — весь XX век. Но не обратили внимание. А могли бы осуществить исследование и понять, что Кошций (Кошей) в раннем Средневековье могло быть обозначением обитателя Дикого Поля. В разных краях исторической Руси и, видимо, в разные времена образовались две формы этого нарицательного имени. В сказках чаще употребляется Кошей. В былинах,

записанных научной экспедицией Императорской Академии в Архангельской губернии, — Кошций. На мой взгляд, эта устная форма была ближе к исходной. В древнерусских письменных памятниках долгие, удвоенные согласные не обозначались из соображений экономии места. Даже **русский** в летописях и в «Слове» всегда **руский**. Поэтому и кошций должно было записаться сокращенно: **кошций**. А в другом диалекте и в другое время — **кошей**. Но в «Слове» неожиданно собрались обе эти разновременные и разнодиалектные формы одного термина. Почему? «Вопрос ребром поставил и так стоять оставил». Это о себе, о нескольких подобных вопросах, обозначенных в книге и до сих пор упорно не замечаемых. Один и тот же предмет (или явление) в диалектах может называться по-разному (не о синонимах речь), но в литературном языке, тем более в отдельном произведении, это невозможно. И, если такое случается, значит, одна из лексем дописана в другое время).

...Почувствовав вкус первого успеха в споре с до-революционными академиками, я в несколько недель перечитал значительную часть работ о «Слове» из каталога. И понял, что курсовая пропала: объемы узанного не вмещались в несколько отведенных профессором страниц.

Хотя можно сказать, что курсовая все же состоялась, но через 16 лет под названием «Аз и Я». И сдавался зачет не одному профессору Сидельникову, а Большому Читателю (не участников академического обсуждения имею в виду — во всяком случае, не всех). В книге упомянул забытое казахами «кошци» как праформу древнерусского названия обитателя Дикого Поля, фигура которого в эпоху трехсотлетнего ига обрела почти сказочную фигуральность. Представления о неистребимом кочевнике нашли отчаянное воплощение в фольклорно-обобщенном образе Кошция (Кошея) Бессмертного.

В XVI веке влияние Дешт-и-Кипчака («Степи кипчакской»), простиравшейся от Алтая до Черного моря, ослабло. Кочевники, называвшие себя «казак», оттесняются с Днепра, Дона до Волги и далее до Яика. Активно проявляет себя в отношениях с Русью ханский Крым, откуда в русский язык попадает много огузских (турецких) слов и выражений, пополняя накопленный ранее запас тюркизмов, но не заменяя их. И, пожалуй, только в одном случае произошло вытеснение прежнего кипчакского термина новым, огузским.

Впервые в «Сказании о Мамаевом побоище» появляются древнерусские **кочевать**, **кочевой**, **кочевье**, **кочевник**.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера поясняется, что эти слова произошли от тюркского: **кос** — «поездка, путешествие, переселение». И тюркологи не поправили. А должны

были бы выяснить и сообщить, что в русский поступило не отдельное **коч** (**кос**), а уже в комплексе с **ев**, которое в турецком (а не в тех языках, которые упомянуты в «Словаре» Фасмера) обозначает «дом; жилище» (*ev*). Сложным **косев** («кочевое жилище», «дом кочевья») турки (и крымские татары побережья), уже перешедшие к оседлости, называли шатер, юрту. И походное жилище, устроенное на повозке, санях. (Такие, вероятно, и подсказали когда-то идею кареты.)

От основы **кочев** в русском произошли слова **кочевье**, **кочевать**, **кочевник**.

Полемика, не увидевшая свет

Академик Кононов, считавшийся главным тюркологом страны, на том обсуждении призвал ученых сфокусироваться на профессиональных недочетах книги, а не на политических промахах.

Следуя этому призыву, известный тюрколог Баскаков вскоре принес в журнал «Вопросы литературы» статью, где указал на незнание автором «Аз и Я» важного закона казахского словообразования. Он напомнил: суффикс деятеля — ши (-щи, — чи) в тюркских языках образует нарицательное имя деятеля, присоединяясь к имени существительному. Ни к прилагательному, ни, тем более, к глаголу, а только к существительному. Примеры из казахского: **балык** — «рыба», **балыкшы** — «рыбак»; **темір** — «железо», **темірші** — «кузнец».

«Тюркологам, получившим филологическое образование, — заметил тюрколог, — это положение известно. Но О. Сулейменову, похоже, — нет. Он считает, что было возможно образовать имя деятеля **кошши** — «кочевник» от казахского глагола **кощ** — «кочуй».

Редактор журнала В. Озеров сообщил мне о готовящейся публикации. Я как раз был в Москве, зашел в редакцию. Прочитал статью. Виталий Михайлович Озеров, известный советский критик, секретарь Союза писателей, переживал за книгу и автора.

— Это правда, о чем написал Баскаков? Есть такой закон в казахской грамматике?

— Есть.

В кабинете редактора написал на нескольких страницах ответ на статью. Где сообщил некоторые особенности тюркской грамматики, видимо, не известные уважаемому тюркологу. О том, что во многих тюркских наречиях сохранилось много слов, выполняющих, не изменяя форму, одновременно две три грамматические функции — имя существительное, глагол, прилагательное.

Например, турецкое **коч** (**кос**) — «кочуй» являлось и именем существительным «кочевье». В казахском таких примеров еще больше. **Кос** — 1) соеди-

най, 2) соединение. От именной формы образуется имя деятеля: **косши** — «присоединившийся», «сопровождающий». Переносных значений несколько: ординарец, адъютант, помощник. В каких-то ситуациях могло быть и «слуга». Но никогда не «раб».

Это слово — прямая аналогия **кошчи**, обнаруженного Коршем—Мелиоранским в каком-то тюркском наречии, близком к казахскому. Баскаков прав, что в казахском есть глагол **кощ** (**кос**) «кочуй», но он не знает, что еще недавно это слово выступало и в именном значении — «кочевье». Жива еще старинная народная песня:

Каратаудын басынан кош келеді...

(С вершин Каратау спускается кочевье...)

В ту (старинную) пору и образовалось личное существительное кошщі — кочевник, которое мы ныне вправе назвать первым древнеказахским словом, обнаруженным благодаря древнерусскому памятнику.

...В XX веке наш народ трагически расставался с тысячелетним кочевым образом жизни. Революционный переход к оседлости в черные 1930-е сократил численность этноса больше чем наполовину. И слово **кощ** утратило свою грамматическую половину — именование: кочевий в степи больше не было. Потому и **кошщі** — «кочевник» вышло из употребления (возможно, было запрещено), заменившись другими обозначениями сельского деятеля новой эпохи — «колхозник», «тракторист», «звеньевой».

Но литераторам требовалось слово взамен забытого для описания проклятого кочевья прошлого. Оно было создано грамматикой отрицания: **кощ** — «кочуй»; **кощпе** — 1) «не кочуй», 2) «кочевье». **Кошпелі** — «кочевой». И в итоге вымучили усложненный термин «**кошпелі** адам» — «человек кочевой» — «кочевник». И это неуклюжее изобретение терминкома должно напоминать нам, что надо вернуть простое и древнее **кошщі** в казахский язык!

Виталий Михайлович отдал исписанные мной листки на машинку и, созвонившись с Баскаковым, показал мой ответ.

Приведенные примеры оппонента, похоже, убедили: он забрал свою статью из журнала и нигде больше не предлагал. А я, признаться, жалею, что наша полемика тогда не увидела свет.

Двуязычное «слово»

Вслед за «**кошщій**» мне открывались в «Слове» все новые тюркизмы. Они не выделялись, как ныне принято в научных текстах, шрифтами, и потому читатель, не знающий тюркского, понимал их как немало странные, но вроде бы русские слова.

Читателям древнерусских текстов приходилось разбираться в сплошных строках, не разделенных на отдельные слова. Но когда в тексте встречались иноязычные термины, это еще более усложняло чтение. Например, в части, где описывается набег половцев на русские города, сплошную строку «сеурим-крчтподсаблямиполовецкими» в списке для Екатерины разбили так: «Се у Рим кричат под саблями половецкими...» И вынуждены были перевести: «Это у Рима кричат под саблями половецкими...»

Засомневавшись через десятилетия, потратили много сил, чтобы отыскать городок или поселение с похожим названием где-нибудь поближе к Киеву.

А монах-переписчик XVI века, вероятно, знал татарское слово **урим** — «девичья коса», еще входившее в древнерусский лексикон, потому и оставил его в тексте, а не перевел. «Се урим кричат под саблями половецкими» — «Это девичьи косы кричат под саблями половецкими». Выходит, по автору, отрезанные саблями косы — знак девичьего бесчестия — плата за вероломное нападение Игоря на своего свата.

Вслед за отдельными «невидимыми тюркизмами» мне открывались куски текста, первоначально передававшие целые тюркские фразы, а то и несколько предложений кряду. Их понимали читатели XII века, но в XVI они уже были переведены на русский переписчиком (в «Аз и Я» об этом говорилось подробнее). Чем глубже вчитывался в такие строки памятника, тем яснее становилась догадка: оригинальный текст поэмы был писан человеком, знающим язык половцев. И писалась эта вещь для двуязычного читателя Киевской Руси XII века.

В «Аз и Я» проводилась параллель с русско-французским билингвизмом XIX века. Диалоги «Войны и мира», «Анны Карениной» писаны были для людей света, знающих французский не хуже, если не лучше, родного. В XX веке российское общество стало монойзычным — и Толстого пришлось переводить на русский.

Каждый развитой этнос в своей истории переживал периоды двуязычия. Порой неоднократно приходилось оказываться под влиянием различных иноязычных культур. И ничего постыдного в этой правде нет. На том обсуждении выступил В. Абаев, членкор, один из самых авторитетных в мире индоевропейцев. Сообщил, что его институт исследовал проблему билингвизма. Они насчитали, к примеру, более пятисот иранизмов в грузинском словаре. Такое количество заимствований служит неоспоримым доказательством былого грузино-персидского двуязычия. «Витязь в тигровой шкуре» — порождение долговременного союза этих двух народов. Любое великое произведение древно-

сти — плод взаимодействия культур. «Тюркизмы в русском языке, я думаю, не меньше, чем иранизмы в грузинском, — сказал Василий Иванович. — Если не больше. Нужны масштабные исследования в этом направлении».

В начале XIX века в России были обнаружены несколько искусных подделок под старинные рукописи. И «Слово о полку Игореве» сразу попало под подозрение. Яростные защитники до сих пор доламывают обломки копья Мазона и пик нескольких других скептиков из прошлого. Но я считаю, что именно следы былого двуязычия являются самым убедительным аргументом подлинности «Слова». Фальсификатору не нужно было так насыщать текст тюркским материалом. И беда этого бесценного литературного текста еще и в том, что вот уже два столетия прочесть и истолковать «Слово» пытались и талантливые, и трудолюбивые слависты, но не знавшие тюркских языков, и не придававшие этому фактору должного значения. Поэтому первая же попытка двуязычного «любителя» по-новому разобраться в проблеме прочтения «Слова» немедленно получила сокрушительный отпор «профессионалов». Они не только следов тюркского языка в «Слове» не нашли, но и поэтического языка вещи не поняли.

Как описана ночь накануне роковой битвы!..

«Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо...»

Я подсчитал: очень много раз в «Слове» употребляется лексема **храбрый**, пришедшая в древнерусский из южнославянского языка. Но лишь однажды автор применяет русский полногласный вариант **хоробрый**. Почему?

Поэт ответит, что автор намеренно усилил в этой строке гармонию гласного **О** — самого минорного звука русской речи. Этот звук веками настоян на смыслах слов «холод», «голод», «зло», «зной», «мор», «стон», «горе», «Поле», «полон», «позор»...

Колокольный звон **О** предупреждает воинов о грядущем. Никакой фальсификатор не смог бы создать тонический подтекст такого совершенства. Но Академия не слышит ничего ценного в этой строке, и хладнокровно включают в школьные хрестоматии свой перевод: **«Дремлет в поле Олегово храброе гнездо...»** — грамматически правильный, но начисто разрушающий одно из убедительнейших свидетельств подлинности гениального «Слова».

И, завершая, хочу сказать, что «Слово о полку Игореве» — литературный памятник трех временных срезов — XII, XVI, XVIII веков — продолжает ждать исследователей. Не столько патриотов, сколько ученых, способных выявить, какая из правд, накопившихся в науке за века изучения памятника, является истинной. То есть — Истиной.

АЗ и Я

Книга благонамеренного читателя

От автора

В моей небольшой библиотеке сохраняются лишь те книги, к которым я постоянно возвращаюсь.

Книжный запой детства и юности сменяется штилем. В толпе уличных знакомых и приятелей находишь друзей, с которыми пройдет твоя жизнь. В море полиграфической продукции определяешь несколько книг, воспитывающих в тебе читателя.

Газеты призывают осваивать методы скоростного чтения, а тебе интересно провозиться всю ночь над строчкой, написанной несколько веков тому назад. И через годы открыть книгу на той же странице, отыскать ту строчку и понять, как изменился ты. Читаешь, бережно превозмогая свои и чужие вкусы. Пристрастия. Убеждения. Азбучную грамотность.

Строка уже не влетает в пустоту, не отскакивает от стены; она обитает в пространстве, обжитом твоим знанием.

Осознать космос культуры, в котором, как ядро, плавает слово, — это и есть наука чтения. Не освоив ее — невозможно писать самому.

Одним из таких учебников чтения стало для меня «Слово о полку Игореве».

Более десятка лет я пытаюсь покрыть расстояния между собой и этой Вещью. («Вещь» — мудрость, др.-рус.)

Она отстоит от меня не только во времени. Наш взгляд направлен сверху вниз: мы видим лексику и поэтику памятника в плане. Нам доступны верхние этажи семантического и идеологического знания «Слова»: не всегда удастся заметить тень на плоскости и по ней восстановить высоту конструкции и объем.

Мы глядим вниз, стараясь увидеть цветущие формы прошлого сквозь вековые пласты культурных предрассудков, которые старше нас, но моложе правды.

Разгребая взглядом **пыль**, угнетающую **истину**, мы узнаем их **силу**. (Местоимение «их» относится к трем подчеркнутым существительным.)

«Слово» — неожиданно.

Оно заключает в себе прозрения, кажущиеся подозрительными, тривиальные образы, покрытые паутиной гениальности, и темные речения, великие уже потому, что понимаются банально.

Восковые розы, оборачивающиеся здоровенными розовыми кукишами; оазис в пустыне, принимаемый за мираж; историческая сказка и волшебный факт — замечательное «Слово».

«Слово» — своеобразный тест, проверяющий знания, мировоззрение и творческие способности чита-

теля, его психологическую подготовленность к встрече с историей. Оно, как лакмусовая бумажка, определяет читательскую среду — в одном прочтении краснеет, в другом — синееет. А иногда и белеет.

Любопытное «Слово»!

«Слово» формировало мое миропонимание. «Слово» ввело в историю и позволило увидеть другими глазами многие стороны современности. Я понял, что историческая ложь может оскорблять вещь — так же, как историческая правда невежду. Мне приходилось видеть, как исторический факт мотается на качелях субъективной логики, возносясь на метафизические вершины и обрушиваясь в бездонные пропасти объективного незнания.

Факт, взятый вне исторического контекста, превращается в мертвую игрушку ученых. Ибо факт — ядро эпохи, он живет в космосе обстоятельств своего времени, как земной шар в оболочке атмосферы. Разъять их невозможно без вреда для знания. В этой книге я хочу изложить основные моменты своего опыта читательской работы над «Словом», итогом которой должен в будущем явиться этимологический словарь «1001 слово».

Имею право ошибаться и признавать, и искать новые решения.

Имею возможность высказывать свои суждения по табуированным проблемам. В этом есть определенные преимущества не только для меня лично.

Я отказался от темы — «Тюркизмы в “Слове”» — понял, что узкая специализация продуктивна в математике, а не в человековеденье. «Слово» нужно читать не коллективом МЫ (Славист, Тюрколог, Историк, Поэт и др.), а коллективом Я. Те же персонажи, но объединенные в одной личности.

Читать «Слово» мне помогало природное двуязычие, знание культурных взаимоотношений Руси и Поля, увлечение этимологией и, может быть, чувство слова и образа, выработанное упражнениями в версификаторстве.

Не забуду упомянуть еще одно условие, необходимо дополняющее образ читателя. «Слово» не должно быть **средством**, как, впрочем, литература и наука вообще. От того, **как** ты прочтешь, **чью** точку зрения поддержишь, а чью опровергнешь, не должно зависеть твое бытование. Ты обязан быть предельно свободным в оценках работ своих учителей. Аксиома, но требующая ежечасных доказательств практикой творческой жизни.

Было бы слишком самоуверенно заявить, что я как читатель отвечаю полно всем требованиям, по-

ставленным самим же. Но последнее условие я честно пытался соблюдать всегда. Соглашался только с тем, что мне в данный момент казалось истинным, и протестовал против своих и чужих вчерашних утверждений, если они сегодня устаревали. Ибо путь к сути лежит через суд, через непрерывно заседающий в тебе трибунал мысли.

Часть I СОКОЛЫ И ГУСИ

К истории СПИ¹

Краткий очерк, истории «Слова о полку Игореве» и «Задонщины».

В 1791 году А. И. Мусин-Пушкин был назначен обер-прокурором Святейшего Синода. В том же году, 11 августа, Екатериной II был издан указ, по которому Синоду разрешалось собрать и изъять из монастырских архивов и библиотек рукописи, представляющие интерес для русской истории.

Этим занялся А. И. Мусин-Пушкин. Не позже 1792 года (точная дата не установлена) он приобретает сборник XVI века, в котором обнаруживается список «Слова о полку Игореве».

Жертвой московского пожара 1812 года становятся дом и библиотека графа. Список XVI века гибнет. В научный обиход приняты издание Мусина-Пушкина и список, сделанный для Екатерины.

Оригинальная история списка XVI века сразу же вызвала скептическое отношение к «Слову» у некоторых отечественных и зарубежных ученых, предположивших, что речь идет о фальсификации, призванной оправдать империалистическую политику Екатерины аргументами прошлого. Назывались и возможные кандидатуры исполнителей подделки (в их числе и Мусин-Пушкин).

Исторические и лингвистические доводы скептиков были столь внушительны, что вся литература по «Слову», накопившаяся за два века непрерывного изучения, посвящена одному вопросу — подлинно ли «Слово о полку Игореве».

Спор скептиков и защитников, по сути, напоминает известный диспут Остапа Бендера и Ксэндзов.

— Бога нет, — сказал Остап.

— Есть, есть, — сказали Ксэндзы.

Скептики целиком отвергают «Слово», апологеты с такой же категоричностью признают его.

В первой половине XIX века, когда родилась скептическая школа в России, многие исторические

факты, косвенно подтверждающие подлинность «Слова», еще не были известны.

М. Т. Каченовский, главный представитель школы, провозгласивший принцип «Для науки нет ничего приличнее, как скептицизм»², в первой же своей статье «Об источниках русской истории»³ подверг сомнению договоры Олега и Игоря с греками. В статье «Параллельные места в русских летописях» он усомнился в подлинности многих сообщений древнерусских хроник, полагая, что известия эти вписаны были позже, т. е. в XVI веке⁴.

М. Т. Каченовский и представители его школы призывали: факты должны быть сопоставлены друг с другом, и судить о них надо в соответствии «с общими законами исторического развития». Впоследствии другой представитель скептической школы, Н. И. Надеждин, писал: «Всякий факт сам по себе имеет внутренние условия достоверности... Эти внутренние условия создают историческую возможность факта... Никакой древний исторический манускрипт, никакой известный авторитет, выдержавший всю пытку обыкновенной критики, не убедит меня в подлинности факта, если он представляет решительное противоречие этим законам»⁵.

Такое отношение к древностям было продиктовано необходимостью. С ростом национального самосознания наука нередко становится на службу казенному патриотизму, тогда историография начинает отходить от истории. Факты или неверно освещаются, или фальсифицируются в угоду возникающему на прошлое взгляду.

Явление это универсальное. Почти все европейские историографии пережили такой период. И основатель западной скептической школы Август Шлецер на реалиях обосновывал необходимость строгого недоверчивого отношения к историческим источникам. В XVIII веке и в начале XIX в России появилось значительное количество исторических подделок. Большинство из них было разоблачено скептиками и не успело войти в официальную науку.

Скептическая школа (несмотря на целый ряд неточных практических результатов) сыграла весьма положительную роль в развитии русской историографии. Она способствовала созданию нравственной атмосферы в науке, утверждению строгих моральных критериев, без которых наука как объективное знание существовать не может.

Скептики прошли сквозь «пытку» патриотической критики. Чрезмерной подозрительности им не

² Каченовский М. Т. О «Римской истории» Нибура. «Вестник Европы», 1830, № 17–20, с. 75.

³ «Вестник Европы», 1809, № 18.

⁴ Там же.

⁵ Надеждин Н. И. Об исторической истине. СПб., 1837, т. 20, с. 153.

¹ Аббревиатура СПИ давно принята в науке.

прощали и не прощают. Отдельные ошибки, и серьезные (неизбежные в практике любого научного метода), позволили противникам объявить эту школу консервативной и т. п.

В XX веке последователей Каченовского в России уже не осталось. И критика их приобретает особый характер.

«Очень важно отметить, что представители скептической школы были людьми консервативных, официальных воззрений. Своими реакционными взглядами был известен не только «парнасский старовер» М. Т. Каченовский, но и друг Ф. Булгарина — О. И. Сенковский, а также М. И. Катков. И. И. Давыдов известен тем, что с ним как с директором Главного педагогического института боролся Н. А. Добролюбов».¹

Интересно, чьим другом был и с кем сражался К. С. Аксаков, резче И. И. Давыдова выступавший на стороне скептиков?²

К. С. Аксаков и вовсе считал, что «Слово» подделано даже не русским патриотом, а иностранцем.

Новый этап в изучении «Слова о полку Игореве» начинается с открытием другого памятника — «Слова о великом князе Дмитрие Ивановиче» (или как принято называть по одному из списков — «Задонщина»)³. Считается, что создано оно вскоре после победы Дмитрия Донского над Мамаем (1380 г.). Автором считают Софония-«резанца», имя и прозвище которого упоминается в списках. Исследователи гадали, кто же конкретно скрывается под именем Софония-резанца. Называли то «рязанским попом», то «брянским боярином».

Б. А. Рыбаков настаивает на второй версии:

«Брянский боярин Софоний (носивший в рукописях загадочное и ничем не оправданное прозвище резанца)⁴. «Резанцами» называли скопцов или христиан, подвергшихся насильственной мусульманизации, обрезанию. «Рзанцами» на Волге и по сию пору прозывают мусульман.

¹ Лихачев Д. С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности. В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, с. 21.

² Аксаков К. С. Полн. собр. соч. Ломоносов в истории русской литературы и языка. Т. 11, М., 1875, с. 142–147.

³ Известны несколько списков «Задонщины»: Список ГПБ (Государственной Публичной библиотеки) из собрания Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086 (К-Б); список из собрания Ундольского № 632 (У); список ГИМ (Государственного Исторического музея), собрание музейное № 2060 (И-1); список ГИМ, собрание музейное № 2060 (И-2); список ГИМ, собрание Синадальное № 790 (С) и другие. Мы будем в дальнейшем цитировать «Задонщину» по изданию «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла», под редакцией Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева, издательство «Наука», М.—Л., 1966, раздел «Тексты Задонщины».

⁴ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 27.

Открыта была рукопись «Задонщины» в 1852 году. Черт, сближающих ее со «Словом», оказалось так много, что это обстоятельство поставило в затруднительное положение и защитников, и скептиков, одинаково давая обеим сторонам грозные аргументы. Замешательство продолжалось долго. Наконец, французский славист Луи Леже в 1890 году опубликовал результаты своего историко-литературного анализа, который свелся к следующему: «Слово о полку Игореве» — произведение подражательное и слабое. «Задонщина» — оригинальное и поэтически сильное. Он усомнился в дате открытия «Задонщины» и предположил, что эта рукопись была обнаружена в конце XVIII века, и на основе ее неизвестным фальсификатором создавалось «Слово о полку Игореве»⁵.

В последнее время гипотезу Луи Леже решительно развивал во Франции проф. А. Мазон и группа его единомышленников.

«В этом пестром целом нет единства, — говорил о «Слове» Мазон, — кроме эпохи и среды. Эпоха — это конец XVIII века в торжествующей России Екатерины II, среда — несколько образованных людей, группирующихся в кружок около графа Мусина-Пушкина, библиотечных работников и людей светских, вдохновленных историческими чтениями; льстецов, не менее чем патриотов, обративших свое вдохновение на службу своего национализма и политики императрицы».⁶

Сопоставив поэтику и лексику двух памятников, А. Мазон выдвинул несколько конкретных вопросов, которые могли, между прочим, задать себе и защитники.

С возражениями А. Мазону выступили многие советские ученые: А. С. Орлов, С. П. Обнорский, Н. К. Гудзий, В. П. Адрианова-Перетц и др., зарубежные — А. В. Соловьев, И. Н. Голенищев-Кутузов, А. В. Исаченко, С. Леснов (Парамонов), Р. О. Якобсон и др. Ответы защитников составили не один том, где на все лады повторяется главный аргумент в пользу подлинности — убежденность в подлинности.

Заслуживает серьезнейшего, аргументированного ответа такое, например, замечание А. Мазона: «Язычество, самое искусственное, распространено на всем протяжении произведения вплоть до неожиданного предела весьма христианского содержания».

Определеннее всех ответил С. Леонов (Парамонов), австралийский словист. Хотя стиль его ответов далек от академизма и изложение грешит описательностью (он мало прибегает к доказательствам), заявления его часто оказываются ближе к искомой прав-

⁵ Луи Леже. Славянская мифология. Воронеж. 1908, с. 4–5, перевод с французского издания, 1900.

⁶ Мазон А. Le slovo d'Igor. Paris, 1940.

де, чем многие более оснащенные научной аппаратурой труды других защитников. Он пишет: «Профессор Мазон настолько силен в своем анализе, что не понимает, что почти все «христианство» «Слова» — это добавки монахов-переписчиков, которых не могло не шокировать полное умолчание христианства. Вставки их шиты белыми нитками, в особенности в конце о «хрестьянах», о которых в «Слове» до этого, кстати сказать, не было сказано ни одного слова»¹.

Многие защитники игнорируют проблему, поставленную А. Мазоном. Фигура умолчания не лучшая форма ответа на вопрос, решение которого прибавило бы нам знания духовной атмосферы Древней Руси.

Повторяю, этот вопрос о взаимоотношении искусственного язычества и искусственного христианства в «Слове» должны были поднять сами защитники. А проще — исследователи «Слова» без добавочных определений.

Характерно, что в трудах, созданных в форме ответа на высказывания французского словиста, книга его цитируется не по достоинству скупно и в такой форме, с такими побочными, не имеющими отношения к науке комментариями, что непосвященному читателю становится очевидной некомпетентность А. Мазона. Особенно показателен в этом отношении сборник статей под редакцией Д. С. Лихачева².

Именно в нем Н. К. Гудзий провозгласил тезис, благодаря которому можно объяснить все несуразности и грамматические, и литературные, и орфографические, которыми избилует текст «Слова». Устав от щекотливых вопросов коварных «французов» и «немцев», уважаемый ученый сказал, как отмахнулся: «В качестве возражения и Мазону, и Унбегауну можно было бы указать, прежде всего, на то, что язык «Слова» — поэтический; он мог отклоняться и на самом деле отклонялся от общепринятого языка...»³

Ироническое заявление А. С. Пушкина — «поэзия должна быть глуповатой», — мне кажется, было понято слишком прямолинейно и стало основой предрассудочного отношения ученых к поэтическому языку.

...В последние десятилетия советская «словистика» находится в состоянии динамичной статики, природа которой не в самой науке, а возле нее.

Научный коллектив, говорят математики, дееспособен до тех пор, пока в нем есть некая критическая масса, то есть сумма полярных идей. Когда все

сказали «да», то или тема исчерпала себя, или коллектив исчерпал свои возможности.

Незримый коллектив специалистов по «Слову» существует в нашей стране издавна. И все говорят «да». Любые попытки изменения всеобщего взгляда на биографию «Слова» вызывают немедленную анафему⁴.

На поле — одна команда и вся состоит из защитников. Нападающие давно ушли в раздевалку. Команда имитирует яростную борьбу с жупелами — игра в футбол по телефону.

Прочтения, переводы, комментарии защитников опубликованы, признаны и вошли в учебники. Отречься, усомниться в ценности всего этого десятилетиями накопленного багажа, на котором зиждется авторитет имени, трудно. Наука поставлена в зависимость от ученого.

Скептикам, целиком отвергающим «Слово», недоставало доверчивости; апологетам, целиком принимающим, — здравого скептицизма.

Не только сомнение — двигатель науки, но и не только безоглядная вера. Иначе историческая реликвия становится одним атрибутом двух религий — нигилизма и патриотизма. **Знать источник важнее, чем знать то, что нужно получить от него.**

В этих условиях самая ценная фигура в науке — скептик. Сохранить его — значит продлить жизнь науке. Защитники бессознательно понимают это, потому нашли себе противника за рубежом. Негласный лозунг — сохранить А. Мазона! — читается между строк апологетических трудов. Скептик — это пчела с жалом, которую невежественный садовник отгоняет от цветов заповедного сада. Но именно пчела, вторгаясь в цветок, опыляет его. Охраняя от мохнатого разбойника драгоценный нектар, мы губим будущие плоды.

Если бы математика и физика испытали такое насилие патриотического подхода, человечество и сейчас каталось бы на телеге. Способность увидеть вопрос в толпе восклицательных знаков, — редкое качество. Сохранить А. Мазона! Носится по полю одинокий всадник, преследуемый толпой разъяренных пехотинцев.

Совершенно «в стиле» пишет свою критику С. Леснов (Парамонов): «Чтобы покончить с проф. Мазоном и более к нему не возвращаться, отметим, что критику эту мы пишем, конечно, не для того, чтобы разубедить проф. Мазона — его методы мыш-

⁴ Показательна в этом отношении судьба двухтомного труда А. А. Зимина, не так давно изданного на ротапринте количеством в несколько десятков экземпляров. В этом исследовании известный литературовед попытался оспорить подлинность «Слова». Материалы сокрушительной дискуссии, развернувшейся вокруг этой работы, были опубликованы в популярных изданиях гораздо большим тиражом, чем сам обсуждаемый труд. Я не согласен с выводами А. А. Зимина, но трудно согласиться и с методами подобной полемики.

¹ Леонов С. Слово о полку Игореве. Вып. 2. Париж, 1951, с. 179.

² Сб. «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962.

³ См. указанный сборник, с. 113.

⁴ См. указанный сборник, с. 113.

ления и пользования научным материалом показывают, что это совершенно безнадежное дело. Мы не запрещаем проф. Мазону и его единомышленникам высказывать сомнения в подлинности «Слова», ибо из столкновения мнений рождается истина. Но мы решительно протестуем против того, что проф. Мазон называет «Слово» посредственным, бессвязным, вялым и т. д.»¹.

В этом отрывке великолепно действует научное местоимение — «мы».

«Некоторые наши друзья сочли наши критические замечания слишком резкими по форме. Мы хотели бы указать им и всем придерживающимся принципа непротивления злу, что 1) всякому терпению бывает конец; 2) и в науке должна быть ответственность, безнаказанности здесь нет места!..

Хуже то, что в вопросе о «Слове» объединились русские всех цветов: «белые», «красные» и «зеленые» — очевидно, их единоклассники имеют под собой более солидную базу, чем даже их разногласия»².

Любопытное наблюдение.

...История — интересует, историография возбуждает интерес. Я погрешил бы, заявив, что «Слово» так увлекло бы меня, если бы не кружилось оно в водоворотах многочисленных толкований. Без них оно могло стать обычной музейной редкостью, как многие другие древности с более благополучной судьбой, и не оказало бы воздействия на русскую литературу, искусство и филологическую науку последних двух столетий.

За два века ораторства в библиографии по «Слову» накопилась не одна сотня названий, в которых, как в болоте, буксуют одни и те же аргументы, не всегда научные, но всегда патриотические. И литературе этой никакой пожар уже не страшен.

В спорах о «Слове» зачастую терялось чувство реальности, сгорая пересматривалось отношение к понятиям общечеловеческим. Эмоциональные верхи памятника, доступные приблизительно пониманию, расцветали в ученом прочтении фантастическими до ядовитости цветами.

«Слово» дошло одним списком XVI века. Были ли другие экземпляры? Слухи о них ходили. В 1948 году в парижской газете «Русские новости» (№ 186) появилась статья, подписанная А. Л-ский:

«Журнал «Вопросы истории», в свое время, напечатал призыв акад. Тихомирова о необходимости организовать сбор древних русских рукописей, погибающих в глухих уголках огромной Советской страны. Журнал получил в ответ много письменных откликов и в последнем номере открыл кампанию за осуществление и проведение в жизнь «похода за рукописями», желая придать этой грандиозной экспе-

диции характер широкого общественного движения и привлечь к ней специалистов, учащихся и вообще все культурные силы страны.

Мы по своим личным воспоминаниям знаем, что почти в каждом русском доме, особенно в старинных городах, в имениях или монастырях где-нибудь на чердаках, в обитых железом сундуках хранились пожелтевшие связки писем, грамоты, рукописи всякого рода, книги с медными застежками. Большие архивные собрания и библиотеки в первые годы революции были увезены в города, но целые охапки рукописного материала оставались на местах, и все это необходимо собрать, чтобы не сделались добычей пожаров драгоценные, может быть, памятники русской письменности».

В ответ на письмо акад. Тихомирова журнал приводит отклики ученых и архивоведов, особенно рекомендуемых обследовать северные области, приволжскую глушь, Алтайский край, Прибалтику и Западную Украину..

Но самый волнующий отклик получен от работника Псковского музея Л. А. Творогова, письмо которого о его поисках так называемого олонекского экземпляра «Слова о полку Игореве» нельзя читать без волнения. Творогов сообщает, что проф. Троицкий в бытность свою воспитанником Олонекской семинарии видел на занятиях в классе в руках у преподавателя рукопись, о которой этот преподаватель сказал: «Вот здесь содержится другой список «Слова о полку Игореве», но гораздо более подробный, чем тот, который напечатан». Но учитель вскоре умер, а рукопись куда-то исчезла.

Работая над текстом «Слова», Творогов очутился в 1923 году в Петрозаводске и там познакомился с одним из преподавателей Олонекской семинарии, который подтвердил существование и характеристику рукописи.

Конец этой истории печален для русской культуры. Проф. Перетц рассказывал, что один из его учеников видел в Астрахани воз со старыми бумагами, которые крестьянин продавал на базаре. Студент обнаружил на возу среди всякого хлама несколько рукописных сборников, в одном из которых был список «Слова о полку Игореве». Но у него не было при себе денег, чтобы купить рукописи, и какой-то казах купил воз целиком, свалил вещи и книги в свою арбу и уехал...»

С каким намерением купил этот апокалипсический казах воз древнерусских рукописей, трудно сказать, однако, зная, какими случайными путями входили в науку многие бесценные хронографы, можно предположить, что еще большее число их исчезло в ситуациях, подобных той, которая произошла на астраханском базаре.

Могли никогда не дойти до современного читателя уникальные экземпляры таких бесценных па-

¹ Леснов С. Слово о полку Игореве. Вып. 2. Париж, 195L с. 181.

² Там же.

мятников, как список Лаврентьевской летописи, в которой содержится единственный список «Поучения» Владимира Мономаха. Мусин-Пушкин случайно приобрел Лаврентьевскую летопись в 1792 году — купил ее с возом книг наследника петровского комиссара Крекшина.

Уникальность списка «Слова» не давала покоя некоторым «ревнителям» древности русской, и сразу же после публикации Мусина-Пушкина появились подтверждения в виде подделанных списков. Всего таких мистификаций было обнаружено четыре.

Известный археограф, собиратель и знаток древнерусской письменности М. П. Погодин рассказывал в некрологе А. И. Бардину¹.

«...Покойник мастер был подписываться под древние почерки. И теперь между любителями рассказывается один забавный случай, как подшутил он над знатоками — графом А. И. Мусиным-Пушкиным и А. Ф. Малиновским.

Граф приезжает в восторге в Историческое общество: «Драгоценность, господа, приобрел я, драгоценность!» — восклицает он, и все члены изыскивают нетерпеливое любопытство: — «Что такое, что такое?» — «Приезжайте ко мне, я покажу вам».

Поехали после собрания; граф выносит харатейную тетрадку, пожелтевшую, почернелую... Список «Слова о полку Игореве». Все удивляются, радуются. Один Алексей Федорович (Малиновский) показывает сомнение.

— Что же вы?

— Да ведь и я, граф, купил вчера список подобный!

— Как так?

— Вот так.

— У кого?

— У Бардина.

Тотчас был послан нарочный, привезена рукопись. Оказалось, что оба списка работы покойного... не тем будь помянут».

Такие «шутки» еще более сгущали тень подозрительности, окружавшую «Слово».

Если Мусин-Пушкин не мог распознать подлог Бардина, то где гарантии, что сгоревшая рукопись тоже не была чьей-то фальсификацией, Мусиным-Пушкиным не узнанной? И если бы Бардин продал только один свой список, так ли скоро мистификация бы открылась? Метод химического анализа чернил тогда не применялся, а бумага могла быть действительно старой с подлинными знаками XVI века. Запасы ее дошли до XVIII века в монастырских библиотеках.

Вопросы вполне законные. И ответ на главный — было ли «Слово», или это подделка XVIII века? — мы можем получить лишь из анализа текста публикации

Мусина-Пушкина в сопоставлении с текстами списков «Слова о великом князе Дмитрие Ивановиче».

В этих двух перекрещивающихся направлениях и повелась работа защитников. И сделано, безусловно, много, однако все результаты в совокупности пока не способны конкретно ответить на вопрос главный.

Причины малого КПД работы огромного штата защитников по ходу рассказа моего были названы, остается подчеркнуть сторону чисто техническую — неправомерно приуменьшена доля творческого участия переписчика XVI века в дошедшем до нас тексте. От него идет языковой, стилистический и идейный эклектизм памятника.

Стремясь во что бы то ни стало убедить себя и других в том, что все в «Слове» подлинно (т. е. принадлежит XII веку), защитники усложняют ситуацию.

Мне кажется, следует хотя бы условно попытаться принять факт таким, какой он есть, и признать, что «Слово» — литературный памятник, по меньшей мере, двух временных срезов — XII и XVI веков. Что в нем сохранено от протографа и что привнесено Переписчиком? Отделить «зерно» от «плевел» может помочь «Задонщина», которая послушно следует поэтике «Слова». Настолько подробно она повторяет композицию и образы великого оригинала, что часто свидетельским показаниям «Задонщины» верить больше, чем списку Мусина-Пушкина. Некоторые поэтические фигуры она передает точнее, не давая им лексического развития, что нередко случается в позднем «Слове».

Задача автора «Задонщины» иная, чем у Переписчика.

Первый использует лишь форму и потому, если встречаются детали непонятные или устаревшие, он их попросту опускает или передает средствами современными.

Переписчик же обязан был донести и форму, и содержание, причем подать так, чтобы было понятно современному читателю, и потому неясные места он расшифровывал, архаизмы пояснял надстрочными словами, тюркизмы (если смысл их был понятен) — переводил. Расшитые страницы собирал, стремясь не нарушить последовательность текста, что ему не всегда удавалось.

Он стремится не только нанести на «Слово» некоторый христианский налет, но, что особенно печально, пытается, и безуспешно, придать ему в нескольких местах достаточно патриотический характер в духе своего времени.

Может статься, что я пережимаю перо, но наличие цветной штукатурки на древней фреске, безусловно, установимо. И будущие исследователи, пользующиеся более совершенным инструментом анализа, поправят меня.

¹ «Москвитянин», 1841, № 3, с. 245.

Пока попытаюсь испробовать предложенный метод восстановления протографа. Совпадения в текстах «Задонщины» и «Слова» Мусина-Пушкина могут служить доказательством того, что эти места принадлежат оригиналу или древнейшим спискам «Слова», приближенным к подлиннику более, чем исследуемые произведения.

Формальные черты сходства «Слова» и «Задонщины» защитники объясняют так: «Слово» лежало на столе Софония-рзнца, когда он писал свою повесть о победе Дмитрия Донского. «Задонщина» повествует о реванше, которого добились русичи на поле Куликовом за свое поражение на Каяле. Она писалась как своеобразный ответ на «Слово».

Эта схема отвечает не на все вопросы и рождает новые, но я, в общем, соглашаюсь с ней. Не исходил из нее, а прихожу к ней, как к вероятной.

...Хочу высказать одну из возможных версий происхождения «Задонщины» и коснусь при этом главы неофициальной биографии «Слова».

В драме «Слова», на мой взгляд, участвуют четыре главных персонажа: Автор, Переписчик, Софоний-рзнец, Исследователь (будем подразумевать под этим именем обобщенный образ защитника).

Первый акт пока опускаем.

II акт. Место действия — Южная Русь. Время действия — 1240 год. Взятие Киева ордами Батыя. Пожжены княжеские и монастырские книгохранилища. Уцелевшие книги из южнорусских библиотек вывозятся в северные области. Среди них несколько списков «Слова о полку Игореве». Это копии, сделанные в XIII веке, еще довольно точно передавали оригинал. Хранились они, как и вообще литература светского содержания, в княжеских или боярских библиотеках и большой популярностью среди церковников не пользовались ввиду своей явной «чернокнижности». Надо полагать, что Церковь и до нашествия уничтожила не одно произведение древнерусской литературы, в котором воспевались языческие боги или хотя бы была в ходу терминология дохристианских культов. Достаточно сказать, что церковники преследовали даже такие слова, как «вещий» — мудрый, потому что в применении к жрецам язычества оно приобрело переносное значение — «волшебник», «чудесник». В «Повести временных лет» историческое имя Олег Вещий потребовало специальной оговорки: «И прозвали Олега «Вещим», так как были люди язычниками и непросвещенными».

В эпоху «избиения волхвов» произведения, насыщенные языческим колоритом, попросту смывались, и пергамент использовался для «правильных» писаний. Церковь причинила древнерусской художественной литературе не меньше вреда, чем пожары Батыя.

Итак, уцелевшие рукописи из разоренных княжеских собраний южнорусских городов перемещаются в северо-западные монастыри и попадают в руки церковников. Острая нехватка писчего материала для священных писаний могла оказаться фактором решающим в судьбе и некоторых списков «Слова». Историческое содержание его и отдельные моменты поэтики, вероятно, использовались при переписке и редактировании летописей и отдельных произведений светской письменности, которые по причине «нейтральности» или важности исторического содержания сохранились.

«Слово» же повествовало о деяниях малозначительного Новгород-Северского князька, о событиях к тому же печальных, что не могло в эпоху тотального поражения от степняков не сказаться на отношении к повестям с подобной фабулой. Воспитанию патриотизма они не способствовали и, следовательно, были бесполезны, если не вредны. Требовались произведения, воспевающие былую славу христианского оружия, рассказывающие о победах над погаными. И по этой причине могло быть непопулярным «Слово».

До XIV века уцелело в анналах северо-западных монастырей, по большей мере, два списка «Слова».

Акт III. Место действия — один из московских монастырей. Время действия — некоторое время спустя после 1380 года (дата битвы на Куликовом поле). Действующее лицо — Софоний-рзнец. Творческо-производственная характеристика: монах-копиист летописей, достаточно образованный по тем временам книжник, имеет склонность к литературному творчеству, развитую многолетними упражнениями по переписке и редактированию старых рукописей; этим же занятием воспитана способность к подражательству, оригинальным художественным даром не обладает. (Вероятно, существует в природе искусства такое понятие — «капельмейстерская музыка». Ходит человек всю жизнь во главе духового оркестра. И однажды садится и пишет свою симфонию. Так как музыка звучит у него больше в ушах, чем в душе, то и получается произведение, скопированное из обрывков «Амурских волн» и похоронных маршей. Некоторые композиторы достигали в этом деле высот совершенства.)

Софоний обнаруживает в монастырской библиотеке «черную книгу», литературный стиль которой соответствует его представлениям о настоящей словесности. Содержание же фабульное и идейное резко контрастирует с мировоззрением Софония, с современными событиями и настроениями Руси тех лет. Судьба «черной книги» решена.

Софоний, человек грамотный, много читавший, понимает, что «Слово» непопулярно и быть таковым не могло. Он о нем ничего не слышал раньше. Понимает, что перемещен этот список (а воз-

можно, думает он, — оригинал) из сожженного Киева. Он уверен, что это единственный уцелевший экземпляр. До него в книжных завалах хранилища, которые, возможно, не разбирались с XIII века, никто не видел этой рукописи, иначе она уже была бы смыта.

Может быть, Софоний обследовал анналы как раз с такой практической целью — найти книгу нерелигиозного содержания, чтобы использовать ее пергамент для своих работ. После прочтения Софонию приходит мысль написать подобную вещь, но другого, современного содержания. Жар куликовского события еще не остыл в сознании.

«Слово» повествовало о битве русских со степняками на подходах к Дону. (Наша повесть будет о битве за Доном.)

«Слово» рассказывало о поражении русских от степняков. (Наша повесть будет о победе.)

«Слово» — о несчастном князе Игоре. (Наша повесть — о великом князе Дмитрие.)

На имеющемся запасе пергамента, предназначенном для другой работы, он начинает писать «Слово о Дмитрие Донском» («Задонщину»). Перед ним лежит великий образец. Зная наверняка, что «черная книга» будет все равно смыта (возможно, им же самим), Софоний-рязанец без оглядки скальпирует ее, делает пересадки живой ткани и органов обреченного гиганта.

...Если бы Софоний хотя бы подозревал, что перед ним не единственный экземпляр, что «Слову» еще предстоит самостоятельная жизнь в русской литературе (да еще какая!), едва ли он решился бы так просто и легко использовать его поэтику в собственном произведении, к тому же подписанном.

...«Задонщина» прищлась впору. Она прославилась имя Софония-рязанца. Размножилась в большом количестве экземпляров (хотя подлинник и не дошел до нас). Других повестей Софоний более не написал. Видимо, за неимением образцов.

Приложение к третьему акту.

Иначе представляется картина создания «Задонщины» в нашем литературоведении.

Полагают, что «Слово» в XIV веке ходило огромным тиражом. Было широко известно и любимо народом за красоты стиля и высоту мыслей. Величие его литературное уже тогда осознавалось широкими массами. Одним из ревностных поклонников стал «брянский боярин Софоний Рязанский». Восхищенный памятником, он садится и пишет ответное послание, в котором из чувства величайшего уважения к образцу, копирует поэтическое содержание его.

Читатели и слушатели «Задонщины», волнуясь, сравнивают оба популярных и чтимых опуса и мысленным взором окидывают расстояния, пройденные за два века родной словесностью.

Примерно такое представление получаешь, читая объяснения, подобные тому, которые дал академик Б. А. Рыбаков.

«Победа Дмитрия Донского была воспета Софонием Рязанцем в «Задонщине», сложенной вскоре после битвы за Доном. С первых же строк автор начинает цитировать «Слово о полку Игореве», вдохновляясь им и настраиваясь на его торжественный лад. Очевидно, и читатели, и слушатели «Задонщины» хорошо знали «Слово о полку Игореве» и могли вполне оценить, какой великий образец был выбран для песни о Куликовской битве... Его (автора. — О. С.) неотступное следование «Слову о полку Игореве» и его влюбленность в поэтику «Слова» объясняется торжественным великолепием избранного им образца, данью уважения к гениальности безымянного киевлянина 1180-х годов и его благородным помыслам»¹.

Такие одические тосты еще более запутывают и без того сложный вопрос.

Акт IV. Место действия: один из псковских монастырей. Время действия: XV—XVI века. Действующее лицо: неизвестный монах-переписчик. Творческая характеристика: копиист с ярко выраженными задатками редактора-соавтора (качество, весьма характерное почти для всех переписчиков произведений светской литературы). Сюжет совпадает с предыдущим только вначале.

...Монах разбирает запасы монастырской библиотеки, в которой хранятся и остатки рукописных собраний, завезенных с юга в грозные времена. Его интересует и пергамент, которого все еще не хватает для размножения религиозных сочинений, и древняя литература, спрос на которую все увеличивается. На Руси уже в ходу новый письменный материал — бумага. Она дешевле, хотя и недолговечней пергамента. Появление бумаги спасло древнерусскую литературу от полного уничтожения. Теперь нецерковные тексты не просто смываются, а предвзвешенно переносятся на бумагу.

Круг грамотных на Руси расширяется. Книга, даже бумажная, стоит дорого, и монастырям (издательствам того времени) это выгодно. Книгопроизводство становится очень доходной статьей монастырского бюджета.

Анналы библиотек, пребывавшие долгое время в забвении, перетряхиваются и на свет божий извлекаются старинные своды. В этих сборниках встречаются вещи явно нехристианского содержания. Но и они будут размножены на бумаге с небольшой редакцией.

В связи с разрешением пергаментного кризиса — либеральнее и церковная цензура. К тому же изме-

¹ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 26.

нилась и культурная ситуация. В XVI веке древнерусское язычество уже не опасно. Боги Перун и Велес, Стрибог и Хорс — прочно забыты в народе и не могут соперничать с Христом. Элементы язычества сохраняются в народной культуре, но они не оформлены идеологией. Жалкие осколки былого монолита, разбитого в прах молотами православия. Лешие и домовые — не в счет. Суеверие — не религия, милый анахронизм. И это понимают церковники. Да и само христианство переживает на Руси этап, которого не избежала ни одна религия — оно превращается в привычку.

Уничтожив главных соперников, воцарившись, идеология становится верой, потом — обычаем. Она эрозирует, стареет, погрязает в быту, притупляется. Она уже испытывает нужду в щекочущих воспоминаниях. Ей, одряхлевшей, заплывшей жиром власти, бесплотные тени древних врагов необходимы для постоянного самоутверждения. Так постепенно религия избавляется от категоричности. Дух её угасающий еще поддерживают еретические течения. В борьбе с ними она продлевает свою жизнь. Внимание ее отвлечено в эту сторону. Ибо здесь — живые, дерзкие программы, покушающиеся на авторитет ортодоксальной Церкви. Их книги еще сжигаются торжественно при народе. А Велесы и никудашные шамкающие Мокоши не выдвигают никакой программы, они — звук пустой и страшны Церкви не более, чем деревянные идолы самоедов.

И лег на стол монаха последний пергаментный список «Слова о полку Игореве». Подновив, он выпустил его в свет в бумажных сборниках, один из которых приобрел в XVIII веке Мусин-Пушкин. Другой, возможно, мелькнул на Печоре в XX. А третий увез с астраханского базара таинственный казах...

СИНЕЕ СОЛНЦЕ¹

Свист Звериный

Стиху учит «Слово». Годами вчитываясь в него, получаешь поэтическое образование. Живой учебник русского языка и поэтики, в котором зачастую правила обнаруживаешь и формулируешь сам, а исключения возвышаются над унылыми закономерностями. Поэзия не есть самовыражение грамматики, но грамматическое чутье позволяет порой понять поэзию.

¹ В этой главе и далее приведены прочтения отдельных темных мест памятника, ранее не публиковавшиеся.

...Войска Игоря и Всеволода встретились. Поход начался. (Привожу отрывок по мусин-пушкинскому изданию. Подчеркнуто мною. — О. С.)

Тогда вступи Игорь Князь въ златъ стремя,
и поеха по чистому полю. Солнце ему
тьмою путь заступаше; **нощь стонуши**
ему грозою птичь убуди; свистъ зверинь
въ стазби; дивъ кличетъ врху древа...

Перевод Мусина-Пушкина: «Князь Игорь, вступа въ златое стремя, поехалъ по чистому полю. Солнце своимъ затмениемъ преграждаетъ путь ему, **грозная возставшая ночью буря пробуждает птицъ; ревуть звери стадами**, кричить филинь на вершине древа...»²

Многие переводчики и комментаторы пытались объяснить «стазби», справедливо полагая, что загадка смысла всего подчеркнутого мною темного места — именно в этом искусственном образовании, родившемся при членении сплошной строки памятника.

В. И. Стеллецкий³ подробно рассматривает основную литературу по толкованию «стазби», — Максимович первый увидел здесь глагол «въста» и отнес вторую часть начертания к следующему предложению. Основанная на его догадке поправка Потебни «узбися Дивъ», принятая В. А. Яковлевым в форме «збися Дивъ», а затем в этом виде акад. В. Н. Перетцем — в настоящее время так же находит сторонников (Д. С. Лихачев, О. В. Творгов и др.).

Поправка В. Ф. Ржиги «въста близъ» представляется недостаточно аргументированной с палеографической точки зрения и неестественной с литературной.

В. И. Миллер, А. А. Потебня, В. Н. Щепкин, В. Н. Адрианова-Перетц, А. С. Орлов, Д. С. Лихачев и переводчики А. Ф. Вельтман, Г. П. Шторм, Н. А. Новиков, Л. И. Тимофеев и многие другие полагали, что предложение кончается глаголом — въста, т. е. «свист звериный встал». Е. В. Барсов, С. К. Шамбинаго, Ф. Е. Корш и В. И. Стеллецкий видят в «зби» — глагол, завершающий предложение, а написание «въста» разбивают — «в ста». Мнения последних расходятся в толковании полученного отрывка — «ста». Одни (Барсов и Шамбинаго) видят остаток слова «стая», Корш — «стадо», Стеллецкий поддерживает вторую гипотезу.

Текст, стало быть, принимает у Стеллецкого такой вид:

² Слово о полку Игореве, под редакцией и в переводе графа А. И. Мусина-Пушкина. М., 1800.

³ Слово о полку Игореве, под редакцией В. И. Стеллецкого. М., 1967, с. 130.

нощь стонуши ему грозою
птичь убуди,
свисть зверинь въ ста(да) зби.
Дивь кличьть вѣрху древа.

И перевод:

ночь стонала ему грозою,
птиц пробудила,
свист звериный в стада их сбил.
Див кличет с вершины древа.

Из всех существующих академических и литературных переводов, мне кажется, этот — наиболее совершенный. Другие образцы являть долго и неинтересно. Можно привести в пример (чтобы показать дистанцию) юговский перевод:

И ночь, ропща на него грозою,
птиц **прибила!**..
Взбился **половец!** —
свищет свистом звериным
кличет с вершины деревьев.

(Подчеркнуто мною. — О. С.)

Я попытался применить перед этимологическим методом структурный. И расположил кусок текста в следующем порядке:

Солнце ему тьмою путь заступаше.
Нощ стонуши ему грозою.
1) Птичь убуди **свисть**.
2) Зверинь вѣста **зби**.
Дивь кличьть вѣрху древа...

Для сравнения привлекаю еще один кусок из описания раннего утра перед боем:

Долго ночь меркнет.
Заря свет запала.
Мъгла поля покрыла.
3) **Щекоть** славий успе.
4) **Говорь** галичь убуди.

Грамматическое родство предложений из двух мест текста «Слова» мне кажется вероятным. Отличаются они лишь местом подлежащего, но такая инверсия возможна и находит подтверждения в практике русского литературного языка, как и эпохи «Слова», так и позднейших.

Общие структурные черты конструкций 1, 2, 3, 4:

1) определение перед сказуемым (птичь убуди — зверинь вѣста — славий успе — галичь убуди);

2) сказуемое выражается глаголом прошедшего времени (убуди — вѣста — успе — убуди);

3) определения — краткой формой прилагательного (птичь — зверинь — славий — галичь).

Схематически строки 1 и 2 соответствуют друг другу так же полно, как 3 соответствует 4.

Таким образом, я пришел к выводу, что птичь — краткая форма прилагательного, а не существительного, как полагают. При этом грамматическом прочтении устраняется вычурное, совершенно необычное для славянской литературы выражение «свист звериный». И возникает более точное и традиционное — птичий свист. (Мусин-Пушкин не решился сохранить в переводе «свист звериный» и заменил его на «ревут звери».)

Я привожу эти доказательства с некоторой робостью перед именами признанных лингвистов. Они были заморожены традицией, освященной Мусиным-Пушкиным. И не «вѣстазби» оказалось причиной темного места, а прозрачнейшее «птичь», грамматические аналоги которому можно было найти в самом тексте «Слова».

...Неясное написание «зби» стоит на месте подлежащего и, скорее всего, относится к именам существительным. И означает по семантической схеме — название звука, издаваемого зверем, или движение.

Ночь... грозою
Птичий пробудила свист,
Звериные восстали зби.

В древнерусском языке есть похожее слово — зыбь — беспокойство, смятение¹. В современном — зыбь — колебание. Корень распространен в украинском, старославянском, словацком, сербском.

Это одно из возможных направлений поиска. Весь отрывок я предлагаю читать:

Тогда выступи Игорь Князь въ злать стремень
и поеха по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступаше.
Нощ стонуши ему грозою.
Птичь убуди свисть.
Зверинь вѣста зби.
Дивь кличьть вѣрху древа...

Изяслав на кровати

Не всегда в появлении темных мест виновен П-16². Возникают они и от неверного членения строки. По признанию Мусина-Пушкина, разобрать рукопись «было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни раздробления

¹ Срезневский И. Материалы к словарю древнерусского языка. Т. 1, 1009.

² Условное обозначение Переписчика XVI века. Соответственно Переписчик XVIII века — П-18.

слов, в числе коих множество находилось неизвестных и вышедших из употребления»¹.

Все это затрудняло чтение рукописи. Мусин-Пушкин опасался допустить ошибки, подобные той, какую сделал Щербатов при разборе грамоты новгородцев князю Ярославу («по что отъял еси поле заячь и Миловцы?» вместо «по что отъял еси поле заячьими ловцы?»).

Однако, вопреки собственному предостережению, Мусин-Пушкин допустил при расчленении сплошных строк на слова ошибки, не уступающие щербатовской: «Къ мети» вместо «къмети», «въ стазби» — «въста зби», «му-жа имеся» — «мужаимься» и т. д.

Не понятые редактором слова часто писались с большой буквы и превращались в собственные имена. Так у Мусина-Пушкина получалось «Кошей» — мнимое имя половца, «Урим» — имя воеводы или соратника Игоря.

Рассмотрим случай, когда неправильная разбивка привела к рождению ложной метафоры. Исследователи, пытаясь поправить Мусина-Пушкина, тратили много энергии и приходили к результатам еще более курьезным. Литературное бесчувствие ученых читателей порождает порой в «Слове» чудовищные в своей искусственности образы, не свойственные ни «Слову», ни литературе в целом.

«Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія; притрепа славу деду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кроваве траве притрепанъ Литовскими мечи. **И схотию на кровать и рекъ:** «Дружину твою, Княже, птицъ крылы приоде, а звери кровь полизаша».

Подчеркнутое место Мусин-Пушкин перевел так: «На семь то одре лежа произнесъ онъ». Поправок было множество. Наиболее интересные исправления следующие: 1) «И схоти юнак рова тьи рекъ». Перевод этого сербо-русского предложения предлагается такой: «И схотел юноша ямы (могилы) тот сказал». Но в словаре автора есть уже термин «уноша» — юноша, и «юнак» не проходит, но, несмотря на это, продолжали: 2) «и схыти юнак рова...» — т. е. похитила юношу могила; 3) «и схопи» — т. е. схватила; 4) «и с хотию на кров а тьи рекъ» — «и с любимцем на кровь, а тот сказал»; 5) «и с хотию на кровать и рекъ» — «и с любимцем на кровать и сказал».

В. И. Стеллецкого шокирует эта картина, и он предложил перевести — «и с милою на кровать»...

Если бы мне пришлось иллюстрировать «Слово», я воплотил бы в красках все сочиненные толкователями образы. И этот эпизод просится под кисть.

Степь, политая кровью трава; разбросаны тела литовцев с помятыми шлемами. Среди поля широкого стоит деревянная кровать с никелированными шишечками. На ней лежит возбужденный Изяслав с любимым человеком (признаки пола коего прикрыты фиговым щитом). А вокруг кровати — трупы, а на них — вороны...

Предложенные варианты разбивок отличаются грамматической и литературной недостаточностью.

Прежде всего, грамматической.

1) В разбивке Мусина-Пушкина утрачено, по крайней мере, два сказуемых. Они «подразумеваются».

Этот недостаток не устраняется и следующими «членителями».

2) Начинательный союз «и» в памятнике всегда употребляется перед глаголом. Н. М. Дылевский отметил этот пример как особый: «встречен только один случай с начинательным «и» не перед глаголом — «и с хотию на кровать»².

Опять исключительная грамматическая ситуация, как в истории с единичным применением «а» в финальной строке. Я рассматриваю весь кусок Изяслава как эпический монолог.

Моя разбивка:

...Единъ же **Изяславъ сынъ Васильковъ**

позвони своими острыми мечи

о шеломы Литовскія;

притрепа славу деду своему Всеславу,

а самъ подъ чрълеными щиты

на кроваве траве, притрепанъ

литовскими мечи

исхоти юна кров.

А тьи рекъ: Дружину твою, княже,

птицъ крылы **приоде**, а звери кровь полизаша.

Не бысь ту брата Брячаслава,

ни другаго — Всеволода. **Единъ же**

изрони жемчужну душу из храбра тела,

чересь злато ожереліе.

(Один же Изяслав сын Васильков

позвонил своими острыми мечами

о шлемы литовские,

«притрепал» славу деду своему Всеславу,

а сам под красными щитами

на кровавой траве «притрепанный»

литовскими мечами

исходил юной кровью.

А тот сказал: Дружину твою, князь,

птицъ крылья приодела,

а звери кровь полизали.

¹ *Калайдович К. Ф.* Библиографические сведения о жизни, ученых трудах и собраниях российских древностей графа А. И. Мусина-Пушкина. Записки и труды ОИДР, 1824, ч. II.

² *Дылевский Н. М.* Лексические и грамматические особенности языка «Слова о полку Игореве». В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1965, с. 241.

Не было тут брата Брючслава,
ни другого — Всеволода. Один ты
изронил жемчужную душу из храброго тела
через золотое ожерелье...)

«Исходить кровью» — устойчивое сочетание во многих славянских языках. Значение его — «умирать от потери крови» (*Даль*). Вероятно, «исхоти» — написание авторское. Если бы в оригинале значилась форма — «исходи», Переписчик, несомненно, узнал бы ее и сохранил орфографию.

И грамматически, и литературно это прочтение точнее.

Вместо ужасной кровати на поле кровавой битвы, вместо любовника Изяславова — простой, известный фразеологизм, точно вписывающийся в об разный строй и стилистику эпического текста.

Дополнение

Обидно. Литературы по «Слову» накопилось за два века великое множество. За всем уследить просто невозможно. Особенно за старыми, «провинциальными» выступлениями, которые не попали в основное русло науки по «Слову».

Когда статья уже была написана, мне в каталоге одной библиотеки встретилась карточка: Н. И. Маньковский. «Слово о полку Игореве» — лирическая поэма внука Боянова. Житомир, 1915 г.

Я затребовал и обнаружил в этой книжке разбивку «юна кров» (с. 98).

Уже тогда можно было избавиться от «любовника на кровати». А он пребывает на оной до сего дня.

Под трубами спеленуты

...Всеволод представляет Игорю своих воинов:

А мои ти Куряни сведоми кьмети,
подь трубами повити,
подьшеломы възлеяны,
конець копия вьскрмлены...

Перевод Мусина-Пушкина:

Мои Курчане въ цель стрелять знаящи,
подь звукомь трубь они повиты,
подь шлемами възлеяны,
концомь копия вьскормлены...

Романтический портрет средневекового русско-го воина.

Первый переводчик не понял «кьмети» и разбил слово, получив новый смысл.

Не буду останавливаться на истории «кьмети». Термин последующими переводчиками узан и до-вольно близко истолкован — «воины».

Гораздо интересней судьба глагола «повити», который все производят от корня «вить» и переводят — «спеленуты». Не замечая, как нарушается размаши-стая поэтическая схема, в которой неуместно мел-кое, бытовое наблюдение — спеленуты.

А мои-то куряне — умелые воины,
под трубами **спеленуты** (?)
под шлемами възлеяны,
с конца копия вьскормлены!..

Прозаизм «спеленуты» разрушает эпически обоб-щенный смысловой ряд.

Глагол «повиты» встречается в одном из поуче-ний Паисиевского сборника XIV века: «...человеци есмы повиты въ гресехъ»¹.

Едва ли следует понимать церковный афоризм как «человеки спеленуты во грехах».

Думаю, что в поговорке воплотилась христиан-ская мысль «человек **порожден** во грехе» и этим от-личается от Бога, который зачат безгрешно и поро-жден Девой!

И разве основная обязанность народных акуше-рок (**повитух, повивальных бабок**) пеленать, а не по-могать роженице? На Урале я слышал в русской де-ревне пословицу: «Коза не разродится — идет к овце-повитухе».

Латинское слово «вита» — жизнь, вероятно, было причиной появления и «повити», и «повитух».

Этот книжный термин стал основой для русского слова «обитать» — жить (обвитать), «обитель» — ме-сто жизни (обвитель) и, наконец, поэтического «ви-тать» — находиться, жить, обитать (ср. витает в об-лаках).

Это заимствованное слово не выдержало кон-курентии общеславянского омонимичного «вить» (свивать, веять) и сохранилось лишь в отдельных конструкциях.

Слово «повиты» могло бы служить доказатель-ством древности памятника. Если его не узнали сот-ни специалистов по древнерусскому языку за два века непрерывного изучения «Слова» и бесчис-ленных источников по славянским языкам и гово-рам, то каким языковедом-гигантом должен был быть фальсификатор XVIII века, чтобы найти этот давным-давно забытый термин и употребить его в единственно возможном (в этом контексте) литера-турном значении!

Термин, надо полагать, уже в XII веке приме-нялся редко, и то — в литературном, книжном язы-

¹ *Срезневский И.* Материалы к словарю древнерусского языка. Т. 2, с. 47, 999.

ке. Кажущаяся легкость прочтения гаппакса¹ ввиду услужливой близости глагола «вить» обернулась непониманием. Метод «народной этимологии», примененный учеными, позволил им при взгляде сверху вниз увидеть лишь крышу одноэтажной лексемы.

А мои-то курыне — умелые воины:
под (звуки боевых) труб **рождены**,
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены.

...Автор «Задонщины» не обошел вниманием эпическую формулу. Он переносит ее в свое произведение и применяет для характеристики литовских союзников братьев Олгердовичей:

В разных списках «Задонщины» формула выглядит так:

«Те бо суть сынове храбры, кречаты в ратном времени и ведомы полководцы, под трубами, под шеломы злачеными в Литовской земли» (У).

«Те бо суть сынове храбрии, кречати в ратном времени, ведоми полководцы, под трубами и под шеломы взлелеяны в Литовской земле» (И-1).

«Ти бо бяше сторожевыя полкы на щите рожены, под трубами поють, под шеломы взлелеяны, конец копия вскормлены, с вострого меча поены в Литовской земли» (К-Б).

«Тые ж бо есть сынове храбрии, родишась в ратное време, под трубами нечистых кочаны, коней вскормлены, с коленых стрел воспоены в Литовской земли» (С).

Переписчики явно перерабатывали не во всемяные речения оригинала «Задонщины».

Список И-1 опускает непонятное «повиты»: «под трубами и под шеломы взлелеяны».

Список У опускает и «взлелеяны»: «под трубами, под шеломы злачеными в Литовской земле».

Список С создает четырехчлен, добавляя необходимое для эпического ряда начальное — «рождены», — но, создав для нового глагола подходящее, на его взгляд, окружение (родишась в ратное время), «взлелеяны» он переводит — «кочаны»; из «конца» или «копья» производит непонятных «коней». Добавлены стрелы.

Наиболее близок к оригиналу в данном случае список Кирилло-Белозерского монастыря. Здесь мы видим уже пятичлен: рождены — поют — взлелеяны — вскормлены — поены.

Полагаю, что в авторском экземпляре «Задонщины» эпическая формула «Слова» была дополнена недостающими деталями по закону былинной поэтики. Если есть «вскормлены», должно быть и «вспоены», если есть «взлелеяны», то должно быть и на-

чальное — «рождены». «Повиты» не было понято и превратилось в «поют» — несуразное в этом ряду. Но — как дань образцу. Близость музыкального термина «трубы» определила судьбу слова «повиты».

Таким образом, лексема из южнорусского диалекта XII века уже была непонятна в XIV веке на севере Руси. Не понята и современными исследователями, хотя все содержание контекста говорит об одном значении этого слова, возглавляющего эпический трехчлен: рождены — взлелеяны — вскормлены.

Коли сокол в линьке бывает

Когда до великого князя Киевского Святослава Всеволодовича доходит известие о разгроме на Каяле и о том, что половцы направляются к русским границам, он произносит злато слово, в котором заявляет о готовности отстоять «родное гнездо» в следующих выражениях:

А чи диво ся, братие, стару помолодити?
Коли соколь **въ мытехъ бываетъ**,
высоко птицъ възбиваетъ;
не даст гнезда своего въ обиду.

Мусин-Пушкин: «Но мудрено ли, братцы, и старому помолодеть? Когда сокол перелиняет, тогда онъ птицъ высоко загоняет и не даетъ в обиду гнезда своего».

Д. С. Лихачев перевел грамматически точнее:

Когда сокол линяет,
высоко птицъ взбивает,
не даст гнезда своего в обиду.

И пояснил: «Термин «в мытх» означает период линьки, особенно той, когда молодой сокол надевает оперение взрослой птицы. Взрослые соколы отважно защищают свои гнезда от более сильных хищных птиц (например, от орла-беркута)»².

Приведу из массы подобных же переводов один из последних — В. И. Стеллецкого: «А диво ли, братья, старому помолодеть? Когда сокол **перелиняет**, высоко птицъ загоняет, не даст гнезда своего в обиду». (Подчеркнуто мной. — О. С.) Возврат к мусин-пушкинскому вольному переводу. Но комментарий писан как будто к лихачевскому:

«Мыть» или «мыт» — линение, линька, ежегодная смена перьев у соколов. Линяние характеризует зрелость и связанную с ней охотничью опытность сокола. Автор говорит о соколе, «**находящемся в мыте**» (подчеркнуто мной. — О. С.). В период линьки со-

¹ Гаппакс — термин, обозначающий редкое слово, вышедшее из употребления в современном языке, но встречающееся в отдельных литературных памятниках литературы.

² Слово о полку Игореве. М., 1961.

кол находится около своего гнезда и охраняет его с особенной яростью, нападая на приближающихся к гнезду птиц»¹.

...Охота с ловчими птицами — древнейшая из охот.

Считают, что в Европу она пришла через южные русские степи из Азии. И много столетий была едва ли не главным развлечением знати в Германии, Голландии, Франции, Англии, Венгрии, Польше. Охота с ловчими птицами на лебедей, журавлей, уток, цапель и коршунов ценилась больше других охот. И потому за хорошую ловчую птицу (из соколов чаще всего за кречета) платили огромные деньги... Нередко, заключая мир, какой-либо князь, государь или хан в одном из пунктов высокого соглашения требовал: «И прислать десять хороших кречетов».

После неудачной битвы с турками при Никополе (1386 г.) французский король Карл VI выкупил двух своих маршалов де Бусико и де ля Тремогля за несколько кречетов. А герцог Бургундский добился освобождения своего сына у тех же турок за дюжину ловчих птиц. Иван Грозный, желая поладить с Англией, посылал в подарок королеве Елизавете русских кречетов, но отказал в этой же милости Стефану Баторию, написав: «Были прежде у меня кречеты добрые, да извелись».

На Руси сокол всегда был птицей высокочтимой. Уже на гербе Рюриковичей родовой эмблемой был сокол. Что касается соколиных охот, то о них летопись впервые упоминает в IX веке: «Олег в Киеве завел соколиный двор». Ярослав Мудрый учредил уже государственную соколиную службу с большим числом мастеров этого дела. Сокольники были людьми, приближенными ко двору, среди них были любимцы царя, они пользовались почетом и множеством привилегий. Во главе дела был старший сокольник — лицо, стоящее в одном ряду с окружающей государя знатью².

На фоне этого весьма содержательного сообщения хорошо смотрится информация из «Слова», свидетельствующая о знакомстве автора с соколиной темой. «Тогда пушашеть соколовь на стадо лебедей, который дотечаше, та преди песь пояше... Боянь же, братие, не соколовь на стадо лебедей пушаше, нъ своя вещиа пръсты на живая струны въскладше: они же сами княземъ славу рокотаху»³.

Неоднократно в разных метафорах участвует в «Слове» образ сокола. Изю всех птиц, упоминаемых в тексте, пожалуй, эта была наиболее знаема человеком той среды, которую, скорее всего, и представ-

лял автор. Он, судя по многочисленным и довольно точным описаниям природы, был достаточно опытным натуралистом и едва ли допустил бы ошибку в передаче не им самим изобретенной, а скорее всего традиционной формулы. Он должен был знать, что мыт⁴ — это болезнь. Когда птица линяет, она беспомощна. Линяющий, т. е. теряющий перья, сокол не взлетает, не взбивает, не крушит врагов своих, а отсиживается в гнезде, моля своего пернатого бога только об одном, чтобы не тревожили его. Он беззащитен в этот период. Состояние у него «мутное». Именно в этом состоянии и изымают ловцы дикого сокола из гнезда. В Древней Руси ловцов кречетов называли «помытчики». Сокол линяет в своей жизни несколько раз. После двух-трех линек это уже боевая, могучая птица.

Это выражение «три линьки» хорошо известно профессиональным охотникам и сейчас. (Обобщающее число «три» выражать могло понятие «множество», а не конкретное число линек.) В тексте же речь идет о находящемся в «мыте» соколе, т. е. **линяющем**, а не **перелинявшем**.

Грамматическая форма вступает в противоречие с литературным смыслом контекста. В метафоре участвовать должен был образ многократно перелинявшего сокола.

Вероятно, следовало усомниться в правильности передачи оригинала переписчиком.

Старший из известных примеров определения линьки птицы относится к XV веку. В списке этого времени «Слова в неделю сыропустную» читаем: «мытятся яко ястреби и понавляются яко орли».

В. П. Адрианова-Перетц справедливо считает, что термин «мытиться», чтобы попасть в такой далекий от природоведения жанр, как церковное поучение, должен был быть широко распространенным в народном языке, иначе само сравнение, рассчитанное на приближение религиозной темы к слушателю-читателю, осталось бы непонятным⁵.

В XVII веке в высших кругах России интерес к соколиной охоте возрождается (возможно, в связи с тем, что ею увлекался царь Алексей Михайлович) и печатается «Урядник сокольниковьего пути». Тогда-то в поздних списках «Повести об Акире» появляются вставки в старый текст, упоминающий о линьке сокола.

В одном списке: «он готов бысть на царскую службу, аки трех мытей сокол бывает, он не даст ся к гнезда своего взяти»⁶.

¹ Слово о полку Игореве. Перевод и комментарии В. И. Стеллецкого. М., 1967.

² Песков В. «Ловчие птицы». «Комсомольская правда», 1971, 16 октября.

³ Буква «и-десятеричный» под титлом означала цифру 10.

⁴ Кстати, еще один пример древнего заимствования из латинского. Ср. *mut* — линяние; *mutare* — менять, сменять. Сравните — мыт, мыть, мытарить, мытарство, муть.

⁵ Адрианова-Перетц В. П. Фразеология и лексика «Слова о полку Игореве». В кн.: Памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966.

⁶ Памятники старинной русской литературы. Вып. 11. СПб., 1860, с. 368.

Нет оснований полагать, что эти наблюдения попытчиков (трижды перелинявший сокол не даст с гнезда себя взять) и сокольников (трех мытей сокол — готов к охоте) были сформулированы только в XVII веке. Сокольников служба — отлов и приручение хищных птиц при княжеских дворах практиковалась издревле. Поговорка и пословица могли войти в язык уже в веке X—XI.

В древнерусском письме, по заимствованной у греков традиции, в качестве цифр использовались буквы. Причем в глаголической системе — 28 букв алфавита, в кириллице — цифровое значение получали лишь буквы, заимствованные из греческого письма.

Так, оригинальная буква Б (буки) в кириллице не использовалась как цифра. Так же и Ж (живете) и др.

В глаголице этот принцип не соблюдался. И потому порядок любой буквы в алфавите придавал ей числовое значение. Аз — 1, буки — 2, веди — 3, глаголь — 4, добро — 5 и т. д. В кириллице: аз — 1, веди — 2, глаголь — 3, добро — 4.

Лишь буква «и-десятеричный» — в обеих славянских системах обозначала число 10, как в греческом письме.

Вероятно, глаголический принцип более удобный, «пальцевый», находил применение и в кирилловском письме. (Любопытно, что В. И. Стеллецкий при издании своего перевода допускает «глаголические» ошибки. В мусин-пушкинском издании числа переданы буквами под титлом: «чръная тучя съ моря идуть, хотяъ прикрыти солнца». В копии для Екатерины переписчик расшифровал цифру — «четыре солнца». В. И. Стеллецкий, основываясь на «екатеринском» прочтении, правит мусин-пушкинский вариант: «солнца», и в своем переводе — «четыре солнца». По глаголическому «пальцевому» способу. В кириллице же три. Такую же ошибку совершает Д. В. Айналов в статье «К истории древнерусской литературы»¹.) Он приводит цитату из Радзивилловской летописи под 1141 годом: «егда же несяху ко гробу дивно знамение бысть на небеси и страшно: была солнца сияюще». И поясняет в скобках: («4»). На этой ошибке Д. В. Айналова другой исследователь, Г. И. Имедашвили, построил очень убедительную гипотезу. Прочитав «Слово» в переводе, он обнаружил «черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца» и сравнил их с четырьмя солнцами Д. В. Айналова. Этого оказалось достаточным для заявления «четыре солнца ... не есть вымышленная аллегория, символ, метафора, а реальное событие, имевшее место в 1185 году перед битвой на Каяле»².

¹ См.: Труды отделения древнерусской литературы АН СССР. М.—Л., 1936, т. III, с. 23.

² Имедашвили Г. И. Четыре солнца в «Слове о полку Игореве». В книге исследований и статей «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950, с. 221.

Увлеченный своей идеей, Г. И. Имедашвили идет, мягко говоря, на преувеличение: «русскими летописями в 1185 году отмечено появление четырех солнц». Однако такого сообщения нет ни в одной из изданных летописей.

Путали глаголическое и кирилловское правила даже летописцы.

«Ошибки в чтении цифр случаются часто. В древнейших кирилловских рукописях открыты случаи неверного перевода глаголических цифр оригинала (по большей части отдаленного) на кирилловские. Так, например, при переписке глаголического текста **С** вопреки кирилловскому счету принимается иногда за 8 (как в глаголице) вместо ожидаемого шесть»³.

Знак «титло», который ставится над буквой, чтобы превратить ее в цифру, по наблюдению палеографов, часто терялся, не замечался переписчиками в «побледневшем, полусмытом, полустертом, замазанном письме» (В. Н. Щепкин).

Мне кажется, что в протографе «Слова» исследуемое место было писано так:

«Коли соколъ мытей бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дасть гнезда своего въ обиду».

Автор, переводя **устною** пословицу в письмо, применил при передаче числительного «**трех**» глаголическое правило (аз — 1, буки — 2, веди — 3). Переписчик или не заметил титло, или рукопись дошла до него уже без оногo. Цифра превращается в букву, и он получает право подчинить «в мытехъ», добавив к букве «веди» недостающий ей твердый знак. Грамматически фраза стала правильной, но смыслово — парадоксальной.

Повелея отца своего

Святополк увозит с поля битвы тело тестя своего Туграха. «Святоплкъ повелея отца своего между Угорскими иноходьцы ко святей Софии къ Киеву».

Так в мусин-пушкинском списке.

Необычный термин, не встреченный более в древнерусской письменности и в живых языках, взывает к исследователям. В. И. Стеллецкий: «В первом издании напечатано «повелея», но такого глагола нет. Следовательно, необходима конъектура (поправка). Принимаю поправку Потевни «полелея». Эта поправка принимается почти всеми современными комментаторами. Однако старая конъектура (1819) Пожарского (повеле яти), принятая акад. Ф. Е. Коршем (а в настоящее время также Д. С. Лихачевым и Л. А. Булаховским), должна быть окончательно отвергнута, если принять во внимание сохранение ритма... Поправка М. Максимовича «Яро-

³ Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1960, с. 151.